

ВІБЛІОТЕКА ІГНАТІАНА
Богословие, Духовность, Наука

В.В. РОЗАНОВ

О ПОНИМАНИИ

Bibliotheca Ignatiana. Богословие, Духовность, Наука

Василий Розанов

О Понимании

«ИНСТИТУТ СВЯТОГО ФОМЫ»

2006

Розанов В. В.

О Понимании / В. В. Розанов — «ИНСТИТУТ СВЯТОГО
ФОМЫ», 2006 — (Bibliotheca Ignatiana. Богословие, Духовность,
Наука)

«О Понимании» – философский трактат, созданный в ранний период творчества В. В. Розанова. Это фундаментальнейший труд абсолютного идеализма. Он находится в неразрывной связи с тенденцией русского философствования и является одним из общих трудов обоснования философии «цельного знания». В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Время читать Розанова	6
О Понимании	15
Предисловие	15
Книга I	17
Глава I	17
Глава II	29
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Василий Васильевич Розанов
О Понимании. Опыт исследования
природы, границ и внутреннего
строения науки как цельного знания

© В. В. Бибихин, предисловие

© В. Г. Сукач, подготовка текста, комментарии

© Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006

Время читать Розанова

Ненавязчивая глубина под поверхностной рассудочной схемой – вот то, что только сегодня по-настоящему раскрывается нам в раннем Розанове. Можно не затрудняясь планом читать его с любого конца. Мы жалеем будущего рецензента, который начнет перетасовывать установки, взгляды, идеи большой розановской книги: почти все они подобраны из расхожей в то время учебной литературы, а задумчивый Розанов, экономя таким образом свои силы, тайно показывает на этом материале свой размах.

Розанова с самого начала манит ожидание близкого счастья, решающего постижения. Оно в освободительном знании безусловной непостижимости мира. «Мир во всем своем объеме был бы разгадан и понят» – если бы причина и следствие были прояснены. Но они не прояснены и никогда не будут прояснены. Из ясности этой темноты вырастает последнее понимание, «полное неизъяснимого интереса» (329)¹.

Мощь отпущенного на волю ума возвращается у Розанова, в его письме, к тысячелетней опоре парменидовского *того же*, основе мысли и бытия. Эта опора открывается до логики в запредельном видении, что все в мире, близкое и далекое, присутствующее и отсутствующее, схвачено мгновением в своем тождестве, равенстве себе. Постоянная розановская математика *того же, другого, избытка последующего в предыдущем* покажется плоской арифметикой, если не хуже, без того раннего видения мира, когда в его счастливой полноте ясно, что «все и повсюду должно оставаться вечно тем же и там же, чем и где пребывало вечно» (332). Чувства кричат о другом, о вечной изменчивости вещей. Из двух зрений, абсолютно несовместимых и одинаково надежных, одно угадывает во всем постоянство, другое прослеживает везде сплошной поток. «Вот затруднение... оно непреодолимо... в нем сосредоточиваются, как в центральном узле, все величайшие тайны природы и все величайшие интересы стремящегося к пониманию разума» (там же). Розанов не будет приводить противоположности к единству; он знает, что обрыв входит в экономию бытия.

Так же и противоположность между причинным и целевым объяснениями. Цель не вытесняет причину, а просто встает рядом с ней повелителем из другого мира. «В целесообразности нам представляется замечательное явление господства небытия над бытием, того, чего еще нет, над тем, что есть или совершается» (340). Метод книги соответственно не конструирование – из небытия не строят, – а обращение внимания. Философско-научная номенклатура спокойно берется при этом без особой критики, с уверенностью сильного ума, что рано или поздно все понятия будут просвечены простым началом. Цель Розанова не система, а само действие (энергия) терпеливого вглядывания. Тема книги, понимание – одновременно ее предмет и прием. Не надо поэтому искать, на какие термины в ней опереться; все сводится к неостановимому движению мысли. Когда это есть, не очень важно, с каких ходов начинать. Все подлежит прояснению, развертыванию, приведению к последней тайне, как и начиналось все с раннего удивления или страха.

Не надо поэтому успокаиваться, встречая у Розанова примитивную схему, будто целесообразное действие существует сначала в разуме. Будьте уверены, он не упустит прийти к тому, что ясно нам: что «целесообразное действие» не существует заранее вообще ни в какой сфере доступного нам интеллектуального мира и осмысливается только задним числом, а не с самого начала ориентируется на какой-то заранее заданный замысел целесообразности. Цель целей

¹ Цитируем по 1-му изданию: О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания Вас. Розанова. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа. Арбат, дом Платонова, 1886. На экземпляре, которым мы пользуемся благодаря В. Г. Сукачу, автограф: «Уважаемому и дорогому наставнику Константину Ивановичу Садокову с признательностью и любовью свой труд бывший ученик (1872—78) Василий Розанов. Брянск, 19 ноября 1886 года».

не в замысле, а в самом бытии, которое для нашего зрения не отлично от небытия и, как увидит Розанов, не сводится к «потенциальному существованию цели в разуме». В конце концов «явления целесообразности имеют, как кажется, форму существования вечно реальную» (343). Они скрыты от нас именно своей вечной реальностью. Именно потому, что они всегда заранее уже есть, уже обладают безусловным существованием, ни в чем больше не нуждаясь, – именно поэтому они парадоксальным образом пребывают для нас в небытии и оказываются целью. «Но это темная сторона вопроса, требующая точнейших изысканий» (там же). В том, что главным несуществующим, подлежащим прежде всего осуществлению, остается «нечто вечно пребывающее», есть тайна, остроту которой Розанов не хочет сгладить и которая изменяет существо понимания, требует еще и еще внимания.

В эпоху эволюционизма, релятивизма, дарвинизма Розанов обратил внимание на постоянство форм природы и истории и на укрытость постоянных форм в ненаглядном, неуловимом. «Постоянные и уже вечно неподвижные типы не те, которые живут теперь, но те, к которым незаметно стремятся живущие». Направление взгляда меняется. «Постоянство форм... переносится из настоящего в будущее» (352). Как цель не существует потому, что всегда уже успела осуществиться в полноте, так понимание и понимающий разум, хотя определяют собою все в истории, не вычлениваются в наблюдаемом бытии, не развиваются из биологии, не могут быть приобретены по желанию, не поддаются применению для практических целей. Не понимание принадлежит нам, а мы – пониманию. Эта недостижимость понимания, его непонятность, его слитость с непониманием до несравнимости отделяют Розановское понимание от распространенной «научной» рациональности, которую Розанов, совпадающий здесь с Ницше (и с Леонтьевым), мог бы тоже назвать е наукой, а научным методом². Конечно, и в любом методе все тоже держится пониманием. Но в качестве цели понимание, всегда опережающее, должно быть еще схвачено. Самое реальное всегда оказывается самым далеким.

Самое реальное, к области которого принадлежит чистое существование, целесообразность и понимание, настолько отличается от человеческих понятий и построек, что не перекликается и не сотрудничает с ними (и поэтому Розанов несовместим с символизмом и «синергизмом»), а применяет их в своих интересах. «Целесообразность... действует через причинность» (371). Отсюда безмятежное, даже небрежное спокойствие, с каким Розанов инвентаризирует расшатанное хозяйство современного ему знания. Там, где мы видим банальность и штампы, для Розанова все просвечено другим светом. Поэтому кроме нашего мира он не хочет другого, взамен ему не собирается искать ничего сверхприродного, экзотического, чудесного. Пусть человеческим разумом могут быть усмотрены только человеческие вещи; в том нет никакой нашей беды или ограниченности. Так или иначе другое, высокое, отвлеченное не проявится иначе как скрыто в обычном. В примелькавшееся надо вглядываться, чтобы увидеть, как оно применяется постоянными формами в своих целях.

В том, как Розанов берет и повертывает простые наблюдаемые вещи, есть феноменологическая хватка, ловкость мастера. Первоначальные именованья тут могут быть взяты наугад, фактографический и терминологический арсенал громоздок и устарел уже для 19-го века, но никогда для Розанова дело не идет о фиксации терминологии или выстраивании конструкций, он охотится за другим. Счастливый жест остановки мимолетного почти никогда не изменяет ему. Я спорил бы с теми, кто думает, что захваченность не главное в философии. К чему размышления или системы, если нет сначала прорыва во всем и через все к своему, воли возвращения к родному? Философской мысли нет без расправы с лексикой, без узнавания во всем себя, без *понимания*.

² «Не победа науки есть то, чем отличен наш 19-й век, но победа научной методы над наукой» (Ницше. Воля к власти. № 466).

«Совершенное тожество существует только в одной форме, именно в форме тожества всего самому себе... Как совершенное тожество каждая вещь имеет только одно – именно с собою, каждая же вещь имеет и одну противоположность, и именно в себе же – когда извращается ее природа. Так доброе находит свое отрицание в злом» (389). Одной хваткой здесь и бытие взято как тожество (тема Парменида), и зло как предопределенное бытием (тема Лейбница, Шеллинга, Хайдеггера). В своей сути, в жесте угадывающего видения книга Розанова систематизирована, лучше сказать, размечена прорывами, как этот. Только они придают ей смысл. Хлипкая школьная диспозиция «предметов» нужна тут была только для того, чтобы как можно шире поставить опыт видения, не упустить чего. По-честному Розанов должен был тогда сам знать, что читателя для его книги пока еще нет. Он уверенно предсказывает будущее, может быть, отчасти наступившее для мысли 20-го века, которая ставит вопрос не о бытии сущего, а о чистом бытии. В формулировке Розанова: о «существовании независимо от существующих вещей». «Мы едва ли пренебрежем истиною, если скажем, что некогда учение о чистых сторонах Космоса разовьется в такие же сложные и глубокие учения, в какие развилась математика» (397). Заметить, что это предсказание начало сбываться в гуссерлевской феноменологии, мало что даст. Знаем ли мы уже сейчас существо гуссерлевской феноменологии? Понимаем ли движение европейской мысли после Гуссерля? Совсем не несомненно, что история закончилась, как ни хочется многим почувствовать себя совсем вольными стрелками. Нет никакого сомнения, что если она еще будет продолжаться, то с абсолютно нового начала. Я часто вспоминаю, как Александр Мень говорил, что по закладке оснований под новые цивилизации наше время сравнимо с 1-м веком после Рождества Христова. Пророчество Розанова о будущем «изучении сторон бытия независимо от бывающих вещей» волнует и тем, что оно буквально осуществилось в философии Хайдеггера, и тем, что погоня технической цивилизации за вещами все равно ведет в тупик и явно по своему существу нацелена на невидимое, непонятное бытие, которое не привязано к вещам так, как мы привязаны к ним.

Розанов не скучает и не устает, когда пишет свою длинную книгу, потому что не просто как русский мальчик переписывает карту звездного неба, классификацию наук, а ведет свою невидимую охоту. Она началась с заглавия, с *понимания*, уникального в позитивистской половине 19-го века и угадывавшего следующий век. Средства розановской охоты, как мысленный эксперимент с заполнением пространства всеми возможными геометрическими фигурами, заставляют вспомнить о ранних приемах мысли, отпущенной на свободу в древней, еще малоазийской и итальянской Греции. Но как в ранней греческой мысли, так и у Розанова опорного, определяющего чувства природы не меньше, чем у самой современной физики, считающей своим новым достижением, например, ущербный «антропный» принцип. Розанов уверен: «Природа физическая обладает строением не более грубым, чем наш разум, и вещество в своих последних формах столь же тонко и неуловимо, как мысль» (402). Или еще: «По происхождению своему числа и величины столь же первозданны, как первозданно само бытие». *По происхождению* — т. е. до сознания, или, как говорит Розанов, во «внешней природе» (403). Хайдеггер скажет: «снаружи», *Draußen*. Я знаю, как сознанию трудно отделаться от иллюзии, будто оно само как-то рождает, находит или артикулирует в себе свои смыслы. Тем удивительнее читать у молодого Розанова о «порядке вступления их (смыслов, понятий. – В.Б.) в это сознание» извне, из ранней полноты.

Увлеченный Розанов ходит в своей ранней книге по краю океана. Как Леонардо да Винчи часто поручал себе в своих заметках написать потом книгу о захватившем его сейчас вопросе, так Розанов заглядывается в загадочную даль, которой ему не достичь. «Мы не решаемся ответить что-либо на эти вопросы, и только указываем на них, как на необходимые в науке, на которые должен быть дан ответ» (404). Он замечает кричащий факт: отсутствие понимания времени при непрерывном применении его. Розанов раздумывает со спокойствием, которое идет не от равнодушия, а от радости удачливого открывателя: «Трудно сказать, есть ли недостающее

учение о времени необходимый и неизбежный недостаток в человеческом понимании, или же временный и восполнимый, происходящий от того, что не пришла на мысль человеку какая-то идея, которая есть и ждет только своего открытия» (405). Или в этой фразе – платиновское, однозначное, открывающее горизонты. Человек, знает Розанов, еще (по)вернется к времени от мало осмысленного счета часов, минут и секунд, как он всегда вернется к существованию от бесконечного перебора существующих вещей.

«О понимании» – светлая и просторная книга. Она для будущего для терпеливого разбора, для постепенного начала новой, совсем другой науки. Это школа несконнанной, беспристрастной, терпеливой мысли. Когда Розанов говорит: «Но предположим на время, что все сказанное не сказано», то можно верить, что это не писательский прием, а красивый жест свободного ума, который да, умеет остаться ни с чем, вернуться к выпускающей пустоте. Откуда школа мысли у нас, в провинциальной России? Ответить поможет розановский «Русский Нил». В розановские ученические годы у нас была хорошая, может быть, лучшая в истории России или вообще лучшая школа. Розанов, кроме того, получил уроки европейского свежего позитивизма и строгого раннего нигилизма, райски принятые в смысле бодрой чистоты, широкой простоты ума. Утром все видно ясно и далеко. В ту зарю русского позитивизма (реализма, аристотелизма) его молодой силы хватало на больший размах. Розанов говорит о своем первом начале и одновременно об исторической ситуации: «Это существование, не соединенное ни с каким местом и чуждое всякого средоточия, есть единственно чистая и совершенная форма существования, где к нему не примешивается ничего чуждого, что внешним образом определяло бы его, т. е. ограничивало бы и стесняло бы его первоначальную и истинную природу, которая состоит в соприкосновении ее с пространством – не с *этим*, и не с *тем*, вообще не с местом в пространстве, но с ним самим в его целом» (443). Пространство здесь надо понимать открытым и многомерным по Лобачевскому, которого Розанов любит. Об отношении этого розановского пространства к современной топологии бытия нужно думать и говорить особо.

Во всяком случае розановская школа открытой мысли возникла не на пустом месте. Прибавьте сюда розановскую хватку, о которой мы уже говорили. Наука Розанова хочет быть «одною мыслью, раскрывающиеся формы которой охватят разбегающиеся формы бытия» (433–434).

Когда мысль так свободна, не надо бояться от нее насилия или ограниченности. Сами ошибки будут ее учить. Она не привязана даже к знаку и записи. Истина «существует и тогда, когда и не записана, и не сознается» (441). Розанов не будет никогда анализировать, как он пишет. Как-то так. Все зависит от «неуловимого», неподдающегося никакому анализу сочетания слов, которое бессознательно употреблял автор, которому непреодолимо покоряется читатель» (449). Свобода – но и любовь и милость; оттого простота. Но и широта мысли и ее торжественность. Труд, терпение. Эта книга подарок, крупный и долговечный. Хотя не всякий сумеет читать ее без недоумения, мало кто к ней готов, но снова и снова будут находиться те, кто принять подарок способен. «Невольно и непреодолимо началась эта деятельность», розановская работа понимания (459). Невольно и непреодолимо начался и сам Розанов и его книга. Зачем она? Каков ее научный результат? Спросите так, и чтение уже не удалось. Ее диктовала привязанность и ее велел писать ужас перед тем, что вызывает отвращение. «Отвращение от ничего не объясняющих знаний, хотя бы и новых и интересных в самих себе» (459). Отвращение к информации? Да, именно так, без рабского опасения, что всякая информация благо.

Как весело должно быть издателям спустя сто десять лет после ее полного рыночного провала в 1886 г. снова пускать эту тихую, тайную книгу в мир. Теперь, кроме прочего, она еще и ключ, обещающий разгадку всего, что сбивает людей с толку в публицисте Розанове. Вздор о том, что Розанов отказался или отошел от своего раннего труда, отпадет сам собой. Если извращенным любителям солененького и хмельного придется упустить из рук Розанова-«фи-

лософа жизни», то никому от этого хуже не станет. Современным потребителям его таланта отрезвление явно не помешает.

Для чего все-таки должна быть эта книга о понимании? Просто для того, чтобы понимание *было*. Она делает то, о чем пишет. «Понимание как состояние есть цель понимания как процесса» (460). Стало быть, понимание ради понимания, как видение ради видения у Аристотеля? Отвечать надо бы утвердительно, но сам вопрос как-то не звучит. Когда затягивает как водоворот, завораживает страсть, уже не спрашиваешь, для чего страсть, для себя самой или для чего-то другого. Все равно ведь когда человек захвачен не он диктует, а захватившее. Он «пассивный носитель», если выносит это несение. В творчестве есть «самоопределяемость» (464). Оно уж как-то само знает ради него оно, что и как несет тем и в тех, кто его перенесет.

Что человек и общество держатся любовью, без которой никакой порядок не поможет, — это мы слышим от Розанова как правду, подтвержденную опытом наших дней. Но как Розанов может говорить, что свободный человек всегда нравственный? Свободный для него значит захваченный, следовательно гениальный, т. е. неспособный на злодейство. То, что Розанов говорит о Религии, еще не скоро будет осмыслено. Религия возвращает человека к его чистоте, а это значит к упоению, к мечте, к захваченности. «Интересы неизмеримо важнейшие, истины высшие, нежели все, чем он жил дотол, всецело овладевают им и как бы заволакивают от его глаз и людей, и природу. Он остается наедине с собою и с своим Творцом» (479). Это сказано о религии. Но то же самое говорится о понимании, которое тоже оставляет человека со своим Творцом, тоже дает свободу от жизни. «Когда я понимаю, я не имею отношения ни к людям, ни к жизни их; я стою перед одною моею природою и перед Творцом моим; и моя воля лежит в воле Его. В это время Его одного знаю и Ему одному повинуюсь; и все, что становится между мною и между Творцом моим, восстает против меня и против Творца моего» (719). А если бы религия была чем-то другим чем понимание? В религии и в понимании происходит перемещение человеческого существа в другое «пространство». Для рассудочного выбора в новой захваченности уже не остается места. «Настолько прекрасно, настолько велико то, чем он живет в эти минуты, что когда волнующаяся вокруг него жизнь снова пробуждает его к действительности, он не находит в себе для нее ничего, кроме осуждения» (479).

В этом огне, в этом жару, в котором тлеет все что казалось жизнью и который захватывает человека так, что отнять его у него уже нельзя, говорить о заповедях, нравственных или интеллектуальных, уже не очень уместно. Когда огонь, который здесь назван религиозным чувством, а в другом месте пониманием, подступает или отступает, создаются науки, искусство, поэзия. Отличие этой розановской экстастики от романтической и от возрождающейся символистской было в том, что Розанов не пробовал заигрывать с огнем, трезво видел несоизмеримость человека и Бога. Человек в такой же мере не может обеспечить себе истину и добро, как он не может обеспечить себе красоту. Человек «только арена борьбы, и потому-то она так и страшна, что идет о нем и в нем, а он бессилён что-либо сделать или предпринять здесь» (549). Ни вера, ни понимание не даются ему по его воле. Единственное, что ему дано, — это помнить о своей огненной природе и сделать истину, добро, красоту, веру, понимание темой, главным вопросом своей мысли. Что Розанов и делает.

Через головы поколений, переставших на свою беду бояться огня, Розанов приближается к нам в трезвом знании постоянного присутствия среди нас сил сильнее нас. Розанов как мы видим, что решает не человеческое планирование, «но та непонятная и могущественная сила, которая так непреодолимо сковывает волю человека, и направляет судьбы его истории путями, которых никто не знает, к целям, которых еще никто не уразумел» (там же). Среди наших сегодняшних слов, которые мы с изумлением встречаем уже готовыми у Розанова, есть *немошь*. Природа человека — огонь, через человека действуют космические силы, но будет лучше, если он не забудет, как мало из всего этого он держит в своей власти. «Мы бессильны предвидеть

и... бессильны выполнять». В окружении захлестывающих нас сверхсил нам «остается жажда и ожидать. Пусть это немошно, пусть это не изменит хода человеческого развития; оно определит наше отношение к нему, оно рассеет фантомы, которыми окружены мы и за которыми скрыто от нас истинное положение вещей» (550). Ах, это хорошая, вечная философия. Когда мы пришли и стали смотреть, главные вещи уже случились. Они страшно крупны и в них добро и зло, обещание и ужас. «Связь высочайшего добра с величайшим злом, невозможность для первого возникнуть без второго является хотя непонятным по своей цели, но несомненным законом» (602). Розанову, как и нам, странно, почему добро и зло, ежеминутно задевая человека, до сих пор не стали ни первой, ни хотя бы важной темой мысли. Впрочем, пожалуй, мы знаем ответ на этот вопрос. Все дело в том, что сознание до сих пор не догадалось, что выбор добра и борьба против зла не в его власти; оно считает себя от природы справедливым и *сознательность* кажется ему синонимом нравственного. Розанов понял, что не человеку выбирать между добром и злом. Тем важнее сделать то единственное, что в силах человека: задуматься о добре и зле, взвалить на себя тяжесть этой темы. Правда, Розанов тоже оставил «общую теорию добра и зла» на потом, решившись задеть в главе XVII о добре и зле только частности будущей науки, которую он по Лейбницу и Шеллингу мог бы назвать метафизикой зла.

Розанов предлагает подробный проект общественного строения с централизованным здравоохранением, экономикой, воспитанием и образованием, с полицией нравов, идеологическим надзором, с государственным воспитанием и направлением воли, с покровительством искусству, даже с государственным внедрением красоты и с чем-то вроде совета по делам религий. Если еще в прошлом веке Розанов (как и Леонтьев и Соловьев) с такой ясностью видел черты будущего социализма в России (вплоть до предполагаемой тематики государственно финансируемых научных исследований: «определить все причины и все последствия субъективного религиозного настроения... определить все причины и все последствия централизации учреждений...»), то мнение о русском социализме как историческом завихрении надо пересмотреть. С другой стороны, задачу будущему сильному централизованному государству Розанов намечает прямо противоположную той, какая была у нас! Оно никогда ничего не должно себе ставить в качестве цели. «Никогда цели, сами по себе прекрасные, не были так несправедливо и порою так непоправимо запятнаны, как... дурными средствами. То отвращение, которое невольно внушали к себе эти последние, естественно переносилось, по ассоциации чувств, и на самые цели» (653). Хорошие цели с хорошими средствами остались бы только благим пожеланием, но даже не в этом дело. Суть в том, что отмечено выше: хорошие (как впрочем и злые) цели вообще не во власти человека. Государство должно стать школой как угодно строгой, но учащей только средствами, «чему бы они ни служили, лишь бы были прекрасны», никогда не целям. Образом действий государства останется насилие, но подавляться будут только претензии авторитетов на знание последних целей. Собственно цели надо оставить в покое; бытие не нуждается в заботах и хлопотах сознания. «Формы, в которые сама собою стремится завершиться человеческая природа и жизнь, и прекрасны, и непреодолимо влекут к себе... Борьба с этим влечением если и возможна на время, будет безуспешна в конце концов, потому что не на что будет опереться человеку в сопротивлении тому, что из его же природы вытекает; и к тому же ненужна эта борьба, потому что влекущее не дурно, или по крайней мере придуманное будет хуже» (668).

Розановское государство подобно самому Розанову до садизма равнодушно к человеческим поделкам и проектам, но отчаянно оберегает стихию природы и духа. Покоем уверенности, что эта стихия с ее неприметной мощью возьмет верх над интригами сознания, сильно розановское понимание. Пушкин называл поэтов «сверхкомплектными жителями света». Понимание так же сверхкомплектно. Оно не диктуется жизнью и само не хочет ничего ей диктовать. «Обоюдное влияние их хотя и возможно, однако не несет в себе никакой внутренней необходимости» (733). Именно свобода от жизни позволяет человеку, отрешенному существу,

найти себя в понимании. Во всей работе о понимании у Розанова уже есть то невозмутимое безразличие к постройкам сознания, какое будет потом в розановской публицистике к современным ему политическим, этическим, идеологическим мнениям при безграничном, мы скажем даже – в хорошем смысле рабском уважении к устоям бытия.

Внимание к «типам», к прочным ускользающим от грубой фиксации формам, «в которые влагается все видимое» и которые в конечном счете всегда утверждают себя, оказывается главной, по существу единственной тенденцией розановской ранней книги и не всего ли вообще Розанова? Именно на «типы» нацелена розановская феноменологическая хватка. Понимание питается этими типами (формами), уходящими от определения и перечисления в неуловимую простоту. Они не структуры и не числа, они существуют как-то *так*. Розанов может начинать свою охоту за ними от любой данности и любой схемы; искомое окажется везде и нигде. Единственным свидетельством остается опыт, уникальный и непередаваемый. Поэтому Розанов спокойно берет для него самые первые и прямые слова. Все равно решает не дефиниция, а жест, счастливая удача хватки, свободная укорененность в свободе.

Существование (бытие) и его разум (понимание) надежно защищены несуществованием и непониманием. «Разум не имеет *никакого* существования... он есть пустое *ничто*... совершенная пустота» (32, курс. *Розанова*). Настоящее чтение и понимание подобных тезисов начнется, может быть, только в 21-м веке. Это чистое новое начало мысли по размаху и широте сравнимо с греческим. Переходить от Розанова и Соловьева к Фалесу, Пармениду и Гераклиту как-то неизбежно. Напрасно кто-то попытался бы суммировать взгляды или систему Розанова. Его лексика оказалась бы на поверхности сразу слишком уязвимой. Его прозрения, которые не в лексике, а в жесте мысли-слова (ер. выше его замечание о неуловимости писательских приемов), потребовали бы от исследователя как минимум такого же грациозного жеста, такой же умной хватки. Пока не видно, кто из современных умов способен хотя бы приблизиться к этому танцу. Алексей Федорович Лосев, втайне очень внимательный к Розанову? Михаил Михайлович Бахтин, посоветовавший молодым читать прежде всего Розанова? Современные развязные «Розановеды» имитируют от силы разве что раскованность розановского слова, но совершенно не причастны закону розановских прозрений, которые «следуют одно за другим в некотором строго определенном порядке, правильности которого не в состоянии нарушить ни природа, ни сам человек» (32). О строгости свободы, которая только кажется вседозволенностью, Розанов говорит как о России: «Едва мы, обманутые... пытаемся заместить предполагаемую пустоту каким-нибудь реальным существованием, как тотчас чувствуем, что эта кажущаяся пустота не есть ничто: в ней есть что-то живое, потому что вводимые впечатления все оттапливаются и воспринимается только одно определенное» (33–34).

Розанов смело входит в вопрос, не ставившийся в России или вообще в конце 19-го века: «Что такое существование вообще, без отношения его к тому, что и в чем существует» (136). Он один, не слыша откликов, разворачивает тематику, для которой только теперь появились глаза и уши. Многое сейчас зависит от того, сумеем ли мы прочесть эту книгу и через нее заново Розанова, поверим ли, что он не зря доверял свободе своего ума, догадаемся ли, что вопросов важнее, чем в этой книге, начиная с существования, небытия, существования небытия, добра и зла, нет и никогда уже не будет.

«Разрешение сомнений и вопросов» не в силах Розанова, он ставит своей задачей только их «возбуждение» (152). Так или иначе возбуждали тогда собственно все, будили Россию все. Но кто один хотел повернуть мысль страны к вопросам бытия и небытия? Кто был так уверен, что это одно спасет? Только одно, тайная вдумчивость, способность к вещим снам спасает в конечном счете Россию, которая как ни одна страна в мире открыта выстуживающим ветрам. На таком сквозняке казалось бы все должно быть мобилизовано на обустройство. Но именно у нас Розанов смеет позволить себе бескрайнюю широту вопросов. После него говорить, принадлежит ли Россия мировой цивилизации, уже анахронизм. После Розанова Россия вся, с про-

винцией, деревней, пригородами, огородами, коровой, колодцем, с пьяным в канаве, вошла, широко въехала в единственную историю мира. Если кто-то еще этого не заметил, а другой вообразил, что дело тут идет все еще о чем-то специфическом вроде русской личности, то мы с гордостью скажем: розановская простота, кажущаяся наивностью, – признак нездешней силы.

У людей, избавивших себя от «русской темы», теперь много забот с погоней за постмодерном и с преодолением метафизики. Они будут бояться, не слишком ли Розанов традиционен и не надо ли его деконструировать. Их лучше предупредить: Розанов слишком элементарен (стихийен), чтобы его можно было деконструировать. До такой элементарности взгляда и вопроса деконструкторам едва ли удастся когда-нибудь дойти. «Первое невольное удивление и невольный вопрос его (понимающего разума. – В.Б.) – что это такое, что существует этот мир? т. е. что такое это существование мира, что лежит в мире, отчего он существует, что такое существование само по себе?» Ответа на так поставленный вопрос нет. Единственным верным решением здесь будет, раз поставив его, никогда уже больше не снимать.

Комок глины слепится или не слепится, случайно или нарочно, и также распадется. «Не необходимо эти процессы производят те вещи, которые они производят; и производимые ими вещи не необходимо производятся путем этих процессов, которые их произвели» (241). Слепивший несуществен, конгломерат нестойк. Но автор Розанов, случайно ли он заговаривает о «двойном отсутствии необходимости» в комке глины, случайно ли противопоставляет его кристаллу, чья индивидуальная определенность подчинена, наоборот, двойной необходимости? «Ясно, что процессы неопределенные имеют большее распространение в природе... Область же процессов определенных не столь обширна, но зато более совершенна: все немногое и лучшее, что лежит в Космосе, производится ими» (242). Странен, если задуматься, этот оценочный подход к содержанию космоса. Едва ли верно, что в космосе вообще есть неопределенные процессы. С этим возражением Розанов сразу согласится, но свою классификацию не изменит. Она и актуальнее и острее, чем как мы ее с налету прочитали. В самом деле, человек, комок глины, сугубая неопределенность, очень распространенная в природе, – он же и самое совершенство, малое и лучшее в мире. Человек одновременно распался и до дрожи и надрыва сосредоточен вокруг этого различия между комком и кристаллом. Для человека нет ничего важнее. И во всем мире нет лучше места, вообще нет ни для чего места, кроме как там, где все-речь идет об этом различии между распадом и собиранием, хотя сам человек не в силах охранить себя от распада и обеспечить себе собирание. Книга Розанова вся – процесс, который по-человечески не может себе обещать блестящего результата, совершенства, удачи. Но что Розанов не уйдет от ответа, не прекратит разбирательства, не угасит, не притупит остроты разграничений – это нам вроде бы обеспечено.

Как наш последний пример, так каждый абзац Розанова ненавязчиво, почти скрытно приглашает к обновлению зрения. «В душе нашей поднимается незнакомое смущение, как от приближения к чему-то для нее новому, чуждому и непостижимому» (283). Скрытость охраняется странностью, в которую на каждом шагу выступает думающий. Как существованием (бытием) вбирается несуществование, так пониманием включается непонимание. Странное среднее двух полярных противоположностей не имеет имени. Для того, что замахивается сказать Розанов, нет слова. Его слово часто говорит не то, что мы думаем. Вот еще один пример. Расписание будущих учений в конце гл. VIII («учение о свойствах газов должно быть возведено в ряд законов о газах... учение о свойствах жидкостей должно содержать законы, которым подчинены явления в жидкостях... учения о свойствах растительных и животных тканей должно быть сведено к учению о жизненных законах...») кажется схоластикой худшего сорта. Но скоро понимаешь, куда клонит тихий потрясатель основ: он ждет, когда имена в науке будут обеспечены правилами их применения («законами») и для научной мифологии не останется места.

Читать раннего Розанова, к чему он сам, поздний, и другие в 20-ом веке нас подготовили, и можно и пора. В конце VI гл. мы спотыкаемся о классификацию «результатов генезиса в Космосе», странно похожую на ту древнекитайскую классификацию животных, над которой смеялся Мишель Фуко в начале «Слов и вещей»: элементы или «тела», как предлагает называть элементы Розанов, царство минералов, царство организмов, разум, чувство, воля, нравственные и религиозные учения, искусство, государство «и прочее другое». Ключ к этой классификации – *результат, происшедшее, установившееся* (255). Перечисление призвано показать одинаковый бытийный статус «установившегося» во всем диапазоне от «тел» (элементарных частиц) до общественных институтов. Какие-то формы в космосе удались, осели, состоялись, другие нет. Состоявшиеся, наверное, могли быть и другими, но вот они не другие, а какие есть, и этого уже не изменишь. Удача атомного строения как попадание в качестве удачи («установившегося») не другая по сути, чем удача архитектора. Там и тут собственная убедительность состоявшегося вдруг прорезывает туман хаоса. Этим вторжением настоящего учреждается время естественной и человеческой истории. Своей «классификацией» Розанов приглашает строить науку на внимании к настоящему. Привязкой к состоявшемуся и только к нему предполагается отказ от голых мыслительных нагромождений.

Да что же это, скажут, за исследование такое, что за понимание, если в него еще надо вчитываться, исследовать его и понимать? Кто-то опять в раздражении отодвинет книгу. Мысль в ней прорастает негромко и загадочно, как трава. Она учит терпению и мудрости земли. Раньше философия нам казалась, возможно, чем-то более удобным. Мы, возможно, привыкли к тому, как ее преподают в университетах. Есть, конечно разные ее школы. Но любая школа пойдет нам не в прок, если мы пройдем мимо этой нашей.

В.В. Бибихин

О Понимании

Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания

Предисловие

Едва ли может подлежать сомнению, что если наши успехи в науке незначительны, то наше понимание ее природы, границ и целей ничтожно. Трудясь в отдельных областях знания, мы никогда не имели ни случая, ни необходимости задуматься над ним, как целым. Не мы устанавливали вопросы, на которые отвечали приобретаемые нами знания, и не мы находили им место в ряду других, ранее установленных знаний. В построении великого здания человеческой мысли мы были делателями, но мы не были зодчими.

Такое положение трудящихся, от которых остается скрытым и то, что именно возводится ими, и то, зачем оно возводится и где предел возводимого – не может быть удобно. Не говоря уже о невольных ошибках, к которым ведет это положение, оно неприятно и потому, что всякий труд, цель и окончание которого не видны, утомителен.

Но и ошибки, невольные при этом условии, немаловажны. Может случиться, что строящие уклонятся от плана, которого они не видят, и вместо необходимого возведут ненужное, что придется или оставить недостроивши, или, еще хуже, совсем уничтожить. Может случиться также, что строители, у которых скрыт план, сами не согласны между собою относительно его, и в то время, как одни заботятся о высоте и красоте здания, другие находят такую постройку непрочною и неудобною. В этом случае доверчивые труженики могут трудиться над взаимно противоположным.

Нечто подобное, как кажется, и действительно случилось. То, что в умственной области создается человеком, с давнего времени носит два названия – **науки** и **философии**. Уже эта двойственность имени является странною аномалиею, возбуждающею сомнения: если разум один и истина одна, то каким образом могли произойти различные названия для того, что является результатом деятельности первого и совокупностью вторых. Но за различием имен скрывается и различие действительности: тот глубокий антагонизм, которым проникнуты все отношения науки и философии, показывает, что и в самом деле есть две независимые области, куда разум несет свои приобретения, и что, следовательно, единства познания не существует.

Мы не будем вдаваться в обсуждение доводов, которыми каждая область защищает свое право на исключительное господство в умственном мире. Там, где все сомнительно, трудно высказать что-либо несомненное. Отметим только, что доводы одной стороны не кажутся убедительными для другой, и вместо того, чтобы согласившись идти к одним целям одним путем, наука и философия продолжают развиваться каждая самостоятельно, взаимно отрицая друг друга.

Однако как бы ни достоверны были знания, составляющие содержание обеих областей, не менее их достоверна старая истина, что об одном не может быть двух знаний одновременно и различных, и справедливых. И следовательно, если нет единства познания, то нет и убедительности в нем.

При таком раздвоении умственной деятельности положение выжидающего скептицизма было бы самое правильное для нас. И в самом деле, очень трудно принудить себя верить в плодотворность труда, когда нет единства ни в цели его, ни в способах, какими он мог бы успешно выполняться, ни в указаниях, в чем именно состоит он. И если побочные интересы могут продолжать еще действовать на нас, то интересы чистого знания здесь уже не может

быть. С точки зрения последнего нам остается или выждать, чем разрешится спор, или, приняв участие в нем, попытаться ускорить его разрешение.

Однако есть еще одно, что может стать предметом нашей деятельности. Это – обозрение в целом того, над отдельными отраслями чего мы трудились до сих пор. Именно для нас, никогда не задававшихся подобною целью, выполнение ее не может не быть плодотворно.

По-видимому, совершить это обозрение вне пределов науки и философии невозможно. И в самом деле, как ни противоположны они, ими исчерпывается совокупность всего до настоящего времени созданного разумом человека. И следовательно, каково бы ни было достоинство построенного, ключ к его разумению может лежать только в плане, хотя бы и двойном, того, что строило.

Это положение обозревающего могло бы стать безвыходным, если бы вне науки и вне философии не лежало третьего, что может быть поставлено наряду с ними, чего не может коснуться сомнение и что способно послужить к раскрытию природы, границ и строения обозреваемого. Это – *Понимание*.

И в самом деле, в стороне от спора, разделяющего науку и философию, и вне каждой из спорящих сторон лежит истина, **что какова бы ни была деятельность разума, она всегда – будет по существу своему пониманием, и кроме этого же понимания ничего другого не может иметь своею целью.** В этой истине, как, по-видимому, ни проста она, заключается способность дать ряд выводов, воспользовавшись которыми можно, не касаясь ни науки, ни философии, определить то, к чему должна стремиться и первая, и вторая.

И если необходимо сомнительны, как противоречащие, указания науки и философии на то, чем должно быть возводимое здание человеческой мысли, то указания, вытекающие из того одного, что оно должно быть пониманием, не могут быть сомнительны так же, как и сама эта истина.

То же, что входит в содержание науки и философии, что не относится к плану, но составляет лежащее внутри его, по указаниям, вытекающим из идеи понимания, может разместиться без вражды и противоречия в формах его. Но последние не будут все наполнены, потому что *Понимание* не только несомненное науки и философии, но и обширнее, чем они. Формы, оставшиеся незамещенными, укажут, каких границ и каких целей еще не достиг человек и что, следовательно, предстоит еще выполнить ему.

В идее понимания не заключено никакого знания, способного стать содержимым, но только знания относительно содержащего. Поэтому выводимое будет рядом истин формального значения. Они образуют собою: **определение науки**³, выделяющее ее из ряда всех других областей человеческого творчества и строго устанавливающее ее границы извне, **учение о строении науки**, т. е. о тех внутренних формах ее, выполнение которых должно стать содержанием ее будущего развития, и **учение об отношении ее к природе человека и к его жизни, и его воли к ней**.

Так как в том новом смысле, какой мы придаем ему, *Понимание* становится полным органом разума, то мы не ограничимся одною формальною стороною вывода, но и присоединим к ней многое, что касается самого содержания. Именно, отмечая формы, из которых складывается наука, будем всякий раз или устанавливать истины, которые должны лечь в основание каждой из них, или указывать путь, которым эти истины могут быть найдены.

³ Здесь, как и всюду далее, слово «наука» будет употребляться не в смысле того, что существует под этим именем, но в значении того, что существовало ранее разделения знания на науку и философию и что должно было бы существовать теперь, если бы не было этого разделения. Этого, теперь уже двусмысленного, слова нельзя избежать, говоря о Понимании, заменяющем – науку ли, философию ли, трудно сказать, – *вследствие недостающего* в них и возмещающем недостаток.

Книга I

Определение науки

Глава I

О предмете, содержании и сущности науки

I. Определение науки. Двойственное значение этого определения: его первая часть раскрывает предмет, содержание и сущность науки; его вторая часть раскрывает отношение науки к природе человека. Раскрытие внутреннего содержания первой части определения и доказательства справедливости ее. – II. Неизменно существующее как объект науки; временно существующее как объект простого, ненаучного знания. – III. Неизменное познание как содержание науки; истинность как условие неизменности познания; определение истинного и ложного в познании. – IV. Понимание как сущность науки. Различие между знанием и пониманием. Вывод признаков первого и второго. Полнота познания, содержащегося в понимании. Способность понимания к усовершенствованию; анализ и синтез как два фазиса этого усовершенствования; предвидение и всемогущество, которые дает человеку усовершенствованное понимание. – V. Ум и Разум как источники знания и понимания. Пассивный характер ума и его деятельности; активный характер разума и его деятельности. Причина этой активности лежит в самой природе понимающего, а не во внешних условиях понимания. – VI. Отделение знаний от понимания и выделение их из области науки. Два условия, делающие необходимым это ограничение области науки областью понимания: невозможность ввести в науку все знания без различия и невозможность провести различие между отдельными знаниями. Три признака, по которым вводятся обыкновенно в науку знания, относятся не к природе вводимых знаний, но к способам приобретения их. Заблуждение, лежащее в основе воззрения тех, кто вводит в науку эти знания.

I. Под наукою я разумею вечное понимание вечно существующего, в стремлении и в способности образовать которое раскрывается природа человеческого разума.

Как кажется все знания, обладающие характером, выраженным в этом определении, входят в состав науки; из знаний, обладающих этим характером, некоторые хотя и называются обыкновенно научными, однако их справедливее было бы выделить из области науки, так как между ними и между знаниями несомненно ненаучными нельзя провести определенной границы.

II. Предметом науки может быть только вечно существующее. Это потому, что только знания о нем могут обладать характером постоянства. Знание же о временно существующем необходимо будет временным, потому что оно перестает быть знанием с исчезновением того, что оставляет предмет его: ибо можно ли знать о том, чего нет? И потому как бы ни много было таких знаний, они не образуют и по самой природе своей не могут образовать науки, потому что ее содержание должно быть постоянно и ее части не могут то появляться, то исчезать. Так, например, знание различных случаев теплоты или различных случаев движения тел не составляет науки и не входит в нее; но знание постоянных свойств теплоты и постоянных законов движения образует науку. Замеченные случаи нагревания или движения исчезли и могут не повториться, а с ними и то, что мы заметили о них, исчезло, утратив свое значение. Напротив,

свойства теплоты и законы движения никогда не исчезнут и будут постоянно обнаруживаться в явлениях теплоты и в явлениях движения, как бы ни изменялись последние; поэтому и знание о них никогда не утратит своего значения. Вот почему справедливо будет сказать, что знание всего, что случилось с тех пор, как существует мир, не составило бы науки, ни даже малой части ее; но вывод одного постоянного закона или определение свойства уже кладет основание науке, уже составляет часть ее.

Ясно, что, определив, что в существующем временно и что постоянно, мы определили бы, знание чего не составляет науки и знание чего образует ее. Временно в нем то, что случается, а постоянно то, что производит это случающееся; первое назовем *явлениями* (что является и исчезает), а второе назовем просто *существующим* (то есть не в то или другое время, что составляет явление, но постоянно); и в этом определенном и ограниченном смысле будем употреблять эти названия.

На эти два великие отдела распадается мир как целое, и по этим двум отделам как объектам деятельности человеческого разума распадается создаваемое им на науку и простое знание. Существующее есть вечное производящее, одно составляющее объект науки; явления суть временно производимое, обусловленное и изменяющееся, составляющее объект простого, не научного знания.

Но так как существующее, будучи скрыто под явлениями, непосредственно не доступно ощущению, единственно же доступное для него лежит вне области науки, то этим определяется и самое строение, путь и характер науки: она стремится понять существующее через явления, проникнуть в недоступное для чувств через изучение доступного им.

Так, вещество, не произведенное и не обусловленное вещами, производит вещи и в них проявляется; вне вещей неизвестно вещество и не может быть познаваемо; но познание самых вещей было бы ничтожно, если бы через них мы не познавали вещества. Так, силы не произведены и не обусловлены явлениями, но производят и обуславливают их и в них проявляются; вне явлений не известны силы и не могут быть наблюдаемы; но самое наблюдение этих явлений не имеет значения, когда в них не наблюдаются силы. Так, законы не созданы и не определены существующим и происходящим, но создали и определили порядок в происходящем и соотношение в существующем; вне этого порядка и соотношения не проявляют законы и не могут быть исследованы; но, исследуя этот порядок и соотношение, мы интересуемся не им самим, но тем невидимым и скрытым, что произвело его и что мы называем законом его. Так, типы, по которым образуется все в Космосе и происходит все в генезисе, не созданы этим возникающим и умирающим во времени, но могущественно направляют образующую силу и определяют формы, в которые отливаются предметы и явления. Вне этих единичных предметов и процессов не могут быть познаны эти типы; но, познавая эти отдельные предметы и процессы, мы должны иметь в виду не описание только их, но определение этих типов как невидимых форм, в которые влагается природою все видимое.

III. Относительно этого вечно существующего человек может образовать знания *ложные* и *истинные*. Первые в самой природе своей носят начала изменчивости: они или заменяются другими ложными знаниями, или исчезают, когда на место их становятся знания истинные. Последние же по самой природе своей неизменны: потому что нет другого знания, которое могло бы заменить их.

Таким образом, временны те знания, которые или, будучи истинны, имеют предметом временное, или, имея предметом вечное – ложны. Вечные же знания суть те, которые и истинны, и имеют предметом вечное. Только последние образуют науку; это требование также обуславливается тем, что содержание должно быть постоянно.

Теперь следует сказать о том, что нужно разуметь под знаниями ложными и истинными. Ложные знания суть те, которые неправильно образованы; а истинные знания суть те, которые образованы правильно, т. е. в согласии с природою понимающего начала (разума). Во всех слу-

чаях, когда возможно сопоставление знания с предметом его, мы заметим, что ложные из них не соответствуют своему предмету, а исследовав причину этого несоответствия, всегда найдем, что она лежит в каком-либо уклонении, сделанном в процессе образования этого знания; так что, уничтожив это уклонение, мы восстановим тождество знания и его предмета, а увеличив его, увеличим их различие. Знания же истинные соответствуют своему предмету, и причина этого соответствия лежит в правильности их образования, так как стоит нарушить последнюю, как уничтожается первое. Но не следует думать, что истинность знания зависит от соответствия его с предметом своим или что это соответствие и есть истинность; потому что существует много истинных знаний, которых соответствия с предметом мы не можем проверить, и есть даже такие между ними, о которых мы наверное знаем, что в действительности нет ничего соответствующего им: таковы, напр., все знания о мнимых величинах в алгебре. Несомненно, что они истинны, как несомненно, что они не суть копии чего-либо наблюдаемого. Но и не поэтому одному «истинное» нельзя определять как «соответствующее действительному»; но также и потому, что истинно сознаваемое обширнее истинно существующего и мир, заключенный в разуме человека, шире мира, лежащего вне его. Так, истинное знание может быть образовано не только о том, что существует и чему это знание может соответствовать, но и о том также, что должно существовать и чему должно соответствовать это существующее. Таковы все истины в мире нравственных и политических идей. Ни их образование, ни стремление усовершенствоваться и усовершенствовать свою жизнь не могло бы зародиться в человеке, если бы познание его ограничено было одним существующим. Таким образом, между тремя свойствами знания: правильностью, истинностью и соответствием предмету – существует такая зависимость, что первое обуславливает второе, а второе – третье; но не наоборот. Знания не потому истинны и не потому правильны, что соответствуют предмету; но они соответствуют предмету потому, что истинны, и истинны потому, что правильно образованы. Поэтому, когда несомненно существование в знании первого свойства, не проверяя можно сказать, что существует и второе – всегда, и третье – когда оно может существовать. Что же касается до самой правильности образования знаний, то, как уже сказано, она состоит в полном соответствии процесса этого образования с природою понимающего разума. Все это исследуется в отдельной области науки – в *Учении о познании*.

IV. Но и из истинных знаний не все входят в науку, но только те, которые образуют или имеют целью образовать *понимание*.

Знание и понимание различаются по природе и происхождению. Первое ограничивается простым сознанием, что объект его существует; причем ни один из вопросов, которые могут быть предложены относительно этого объекта, не находит разрешения и, что касается до чистого знания, даже не возбуждается; так как это возбуждение вопросов, идущих дальше сознания простого существования, и стремление их разрешить есть переход к пониманию. Последнее же заключает в себе сознание, что то, что существует, и не может не существовать; причем совокупность всех вопросов, которые могут быть предложены относительно его объекта, получает разрешение. Первое ограничивается внешними признаками существующего и наружными формами происходящего, – теми признаками и формами, которые доступны органам чувств, – оно поверхностно; второе раскрывает то, что лежит под этими внешними признаками и формами и что производит их, т. е. достигает понимания внутренней природы и строения существующего и внутреннего процесса, который происходит в явлениях, – оно отличается глубиной. Первое отрывочно, бессвязно: оно не соединяет различных явлений в одно целое, неразрывно скрепленное внутреннею причинною связью; второе цельно: оно понимает отдельные явления в их взаимной связи, понимает целое, части которого составляют эти явления. Поэтому для первого все случайно и необъяснимо; для второго все необходимо и понятно.

Самое происхождение знания и понимания различно. Первое образуется в человеке потому, что он одарен органами чувств, – его разум остается при этом пассивным; и так как

органы чувств одинаковы у всех людей, то и знание всем им доступно в одинаковой степени. Понимание образуется при господствующем участии человеческого разума, и внешние чувства – только орудия для него, которые направляет он и впечатления которых он исследует, чтобы раскрыть то, что лежит за этими впечатлениями и что вызывает их. И так как разум неодинаков у различных людей, то и понимание свойственно им не в одинаковой степени: есть отдельные люди и даже целые народы, почти совершенно лишенные его; и есть народы, богато одаренные им.

Наконец, и в развитии знания и понимания лежит резкое и глубокое различие: первое увеличивается через простое механическое прибавление одних знаний к другим, второе совершенствуется, становясь глубже и полнее. Каждое приобретенное знание замкнуто в самом себе и не вызывает необходимо нового знания; всякое начавшееся понимание приобретает этот замкнутый характер только тогда, когда оно становится совершенным. До этого же времени оно необходимо вызывает в разуме вопросы, остается как бы открытым для введения новых, объясняющих и пополняющих знаний. Истины, в которых выражается знание, присоединяются друг к другу; но только в понимании они соединяются.

Заметим еще, что знание происходит по причине, а понимание образуется с целью. Первое бессознательно и безучастно усваивается человеком вследствие самого строения его организма, способного воспринимать впечатления внешнего мира; второе есть стремление понять то, что уже известно как знание.

Совокупность человеческих знаний – это бесконечный ряд отражений в его уме того бесконечного ряда явлений, который проходил перед ним во времени; отражений неизменных и явлений непонятых, в создании которых он не участвовал и силе которых он поработен. Человеческое понимание – это отдельный мир, сложный и углубленный, создаваемый мыслью человека, медленно и неустанно ткущей нити, последний узор которых неизвестен, но в котором содержится последняя разгадка всего. В этом мире идей, вечно неподвижных в своем основании и вечно развивающихся путем внутреннего самораскрытия, живет и господствует великий зиждитель их – человеческий разум, в совершенном повиновении своей природе осуществляя свою высшую свободу. И этот мир уже не отражает одни мимо идущие явления: он проникает в то, что лежит за ними и что, оставаясь доступным одному мышлению, производит и объясняет доступное ощущению.

Чтобы объяснить указанное различие между знанием и пониманием и чтобы показать справедливость его, проведем параллель между двумя истинами, из которых одна представляет собою знание, а другая – понимание, причем предмет их один и тот же.

а) *«Явление теплоты сопровождается расширением тел».*

1. Это знание не отвечает ни на один из вопросов, которые могут быть предложены относительно предмета его. И действительно, относительно рассматриваемого явления, как и вообще всех явлений, совершающихся без участия сознания, может быть предложено два вопроса: «как?» и «почему?», т. е. какой внутренний процесс происходит при нагревании тела и увеличении его объема и почему тело, нагреваясь, увеличивается? (В явлениях, совершающихся при участии сознания, к этим вопросам присоединяется еще следующий: «для чего, т. е. с какою сознательною целью?») Оба эти вопроса в разбираемом знании остаются без ответа: в нем мы имеем указание на два явления, из которых одно следует за другим, но почему это так и что именно происходит при этом в телах, это остается неизвестным, а потому и само явление – непонятным.

2. Это знание есть простое сознание существования того, что мы видим. Это прямо следует из предыдущего рассуждения: кроме утверждения существования двух явлений, о которых говорит нам зрение, в этом знании не заключается ничего; следовательно, оно есть простое отражение существующего в сознании.

3. Это знание ограничивается внешними признаками и формами явления, непосредственно наблюдаемыми. И в самом деле: в нем указывается на существование двух явлений: на изменение температуры тел и на изменение их объема – и оба эти явления наружны и доступны непосредственному наблюдению.

4. Это знание поверхностно, потому что, выражая внешнюю сторону явления, оно не раскрывает того внутреннего процесса, который скрывается под этой наружной стороной и производит ее.

5. Это знание отрывочно. И действительно, в нем мы имеем указание на два явления, и они ни с чем не связаны; не связаны даже и между собою, потому что, видя их сопутствующими друг другу, мы не знаем ни того, почему они сопутствуют, ни того, сопутствуют ли они только в известных нам случаях или всегда. Поэтому:

6. Это знание таково, что составляющее предмет его является случайным по происхождению.

7. Это знание образовано при участии органов чувств и без участия разума. И действительно, что тела, нагреваясь, увеличиваются, это мы знаем потому, что видим, и притом, только поэтому.

8. Это знание может быть увеличено, но не усовершенствовано. Напр., к нему механически может быть присоединено знание, что такие-то тела нагреваются быстрее и расширяются сильнее, другие – наоборот; это будут знания, ничем не связанные с данным знанием, не объясняющие его и не объясняемые им. Но усовершенствовать это знание нельзя иначе как только переведя его в понимание.

9. Это знание произошло по причине, но не образовано с целью. И в самом деле, оно явилось в человеке потому, что его органы получили впечатление от двух явлений – нагревания тел и их расширения, но в происхождении этого знания не участвовала никакая цель, его приобретение не было целесообразной деятельностью.

б) *«Теплота, с увеличением которой тела расширяются, есть молекулярное движение, происходящее в телах».*

1. Это понимание показывает, что замеченное явление и не может не существовать. И действительно: теплота есть движение частиц, увеличивающееся с увеличением ее; объем тела обуславливается расстоянием центров движения этих частиц; поэтому когда тела нагреваются, или, что то же, когда увеличиваются расстояния между центрами движения молекул, то и объем тел не может не увеличиваться. Таким образом, мы имеем здесь три *обуславливающие* друг друга явления и понимаем, что с изменением одного из них *необходимо* изменяется и другое.

2. Это понимание таково, что в нем содержится ответ на совокупность вопросов, которые могут быть предложены относительно предмета его. И в самом деле, вопросы «почему?» и «как?» находят здесь свое разрешение: 1) нагреваясь, тела увеличиваются потому, что увеличивается расстояние между их частицами; 2) нагревание и увеличение объема тел есть усиление колебаний молекул, составляющих эти тела.

3. Это понимание раскрывает то, что лежит под внешними признаками и наружными формами наблюдаемых явлений и что производит их; оно обнаруживает природу этих явлений и скрытый процесс, происходящий в них. И действительно: внешний признак явления – нагревание тела; наружный процесс, происходящий в нем, – расширение тела. Но под этим признаком и процессом скрывается молекулярное движение, которое производит их, обнаруживаясь одною стороною своею в повышении температуры тела, а другою – в расширении его объема. Поэтому, не зная о существовании этого скрытого процесса, невозможно понять и объяснить этого наблюдаемого явления.

В мире физическом явления *скрытого процесса* суть движения элементов и групп их, обуславливаемые свойствами движущегося и законами движения; оба изучаемые элемента в

этом случае (частицы и частичное движение) суть элементы мыслимые, но не наблюдаемые. В мире явлений человеческой жизни явления скрытого процесса суть состояния и движения человеческого духа, которые лежат за наблюдаемыми в истории фактами жизни религиозной, политической, нравственной, умственной, художественной и всякой другой. Эти скрытые психические движения также не подлежат наблюдению извне, но только внутреннему сознанию и мышлению.

4. Это понимание цельно; оно связывает наблюдаемые явления в одно неразрывное целое.

Одна из характерных черт знания состоит в том, что оно представляет собою как бы звенья разорванной цепи. Эти звенья, которыми владеем мы, – явления, доступные внешним чувствам; ненайденные или потерянные звенья этой цепи – это те скрытые от чувств явления, которые одни могли бы связать и объяснить нам то, что знаем мы. Понимание же и есть восстановление этой непрерывности явлений, и есть связывание отдельных звеньев великой цепи через нахождение недостающих звеньев ее. Так, в рассматриваемом примере: в знании мы имеем два явления – нагревание и расширение; оба явления совершенно непонятны, их соотношение – полно загадочности. По-видимому, что общего между теплотою, о которой дает нам понятие осязание, и между увеличением объема, что доступно зрению и недоступно осязанию? тепло и холод, с одной стороны, и объем – с другой, могут ли иметь что-нибудь общее? не разнородны ли совершенно для *наблюдающего* оба эти явления? Таким образом, мы имеем здесь два факта, ничем не связанные, и два знания, ничем не соединенные. Но вот открывается новый невидимый факт – молекулярное движение, и это третье звено связывает два другие, становясь между ними; а с тем вместе и два знания связываются третьим и объясняются им: необъяснимое становится понятным, знание переходит в понимание. Мы имеем: увеличение температуры *есть* усиление движения молекул, *проявляющееся* в их учащенном колебании и в увеличении расстояний между центрами этих колебаний, совокупность которых (расстояний) *есть* объем тела. Раз отнято какое-либо звено в этой цепи явлений, и она рассыпается в ряд необъяснимых фактов, а знание о них становится рядом бессвязных утверждений.

5. Это понимание обязано своим происхождением не внешним чувствам, но разуму; и не наблюдению, но мышлению. И действительно, ни существование молекул, ни их движение недоступны для органов чувств, и, руководясь только ими, человек никогда не открыл бы этого недостающего звена между двумя явлениями и никогда не понял бы их.

Всматриваясь в явления природы и жизни и изучая историю науки, нельзя не заметить, что *явления наружные непосредственно не связаны между собою*; но этою связью между ними служат явления внутренние, скрытые от прямого наблюдения. Так устроен мир, изучить который цель науки, и так создан человек, который изучает его, что объяснение доступного чувствам лежит в недоступном для них, видимого в том, чего нельзя видеть, и осязаемого в том, чего нельзя осязать. Эти внутренние невидимые и неосязаемые явления – частичное движение в мире физическом и психические состояния в мире нравственном – составляют ту основу, на которой происходят явления видимые и осязаемые, образуют ту ткань, которая проникает собою, обуславливает и регулирует все *массовые изменения*, которые одни подлежат наблюдению. Температура и объем, трение и электричество, колебание пластинок и звук, – что понял бы человек в этих сопутствующих друг другу явлениях, если б он ограничился чувственными наблюдениями и если б более острое зрение его разума за этими видимыми фактами не открыло тех невидимых процессов, которые лежат под ними, связывают и объединяют их в одно целое, тождественное по природе своей, но различно действующее на органы чувств его? Что мог бы сделать он, как не заключить только, что «теплота расширяет тела» и что «трение производит электричество», а «колебание пластинок – звук»? Но где мысль в этом наборе слов и где причина, не позволяющая их набрать в другом порядке? Вот почему наблюдение и опыт, насколько они являются произведением только органов чувств, бессильны создать что-нибудь, кроме знаний, лишенных связи и мысли, бессильны подняться до понимания. И так как цель

науки – не знать, но понимать, то и господствующее положение в ней должно принадлежать не опыту и наблюдению, но умозрению, направляющему их.

Это господствующее положение мышления в науке невозможно ни уничтожить, ни ослабить. Причина его лежит не в произволе человека, но *в самом соотношении между изучающим и изучаемым, между человеком и природою*. Нельзя изменить этого соотношения иначе как или видоизменив организм человека – сделав его органы способными ощущать сверхчувственное, или видоизменив природу – уничтожив это сверхчувственное в ней самой. Этим, и никаким другим путем, возможно было бы дать в науке чувственному наблюдению господствующее положение над умозрительным исследованием. И так как этот единственно ведущий к цели способ невыполним, все же выполнимое не ведет к цели, то и всякое усилие сделать науку исключительно опытной и наблюдательной не может иметь своим последствием ничего другого, как только возвращение ее из состояния понимания к состоянию простого знания.

Будем продолжать начатое исследование.

Рассматриваемое понимание не только образовано разумом; но в разуме лежит и та причина, которая вызвала стремление образовать его. И в самом деле, оно произошло потому, что человек не удовлетворился наблюдением двух явлений – нагревания и расширения тел, но спросил себя, какова природа этих явлений, что происходит в них и почему они всегда сопутствуют друг другу. Этих вопросов нельзя объяснить из причин, лежащих вне разума: явления, которые он наблюдает, сами по себе просты и с детства знакомы всякому из массы наблюдений. Поэтому человек не одаренный пытливостью никогда не задумается над этими явлениями и никогда не спросит себя о причине их, – как не задумался над ними никто, кроме европейцев, и из последних никто, кроме немногих. Пытливость же есть свойство ума, а не что-либо внесенное в него извне. В самом понимании этом содержится раскрытие внутреннего процесса, происходящего при нагревании и расширении тел, и причинной связи, соединяющей эти два явления, – но сама потребность открыть то и другое не могла быть внушена этими явлениями. Видя, что нагревание всегда вызывает расширение тел, почему человек не остановился на простой мысли, что причина расширения есть нагревание? почему, видя только эти два явления и не видя ничего другого, он не объяснил одного из них другим, а стал искать объяснения в третьем явлении, о самом существовании которого он ничего не знал? и почему, вопреки свидетельству своих чувств, показывавших, что, кроме этих двух явлений, и действительно нет ничего, он с таким постоянством и с такою уверенностью искал этого третьего явления, как будто бы он видел и осязал его? Причина этого лежит в том, что он понял невозможность объяснить одно явление другим – заметил, что температура и расширение – два факта, различные между собою по природе, что каждое из них – явление *suī generis* и необходимо или найти третье связующее звено между ними, или свести одно явление к другому через отождествление их с третьим. Это третье связующее явление и найдено было в молекулярном движении. Сущующее и сверхчувственное, оно составляет сущность наблюдаемых явлений, и видимая сторона их – только двоякое проявление этой одной сущности.

Истинный признак ума, способного образовать науку, состоит не столько в умении связывать отдельные явления, сколько в понимании невозможности связать непосредственно явления разнородные, хотя и смежные, и в тонком понимании этой разнородности явлений. Отсюда вытекает стремление отыскивать, путем разложения сложного на простое, в разнообразном по видимому однообразное в действительности, сводить одно явление к другому, и таким образом идти постоянно и неуклонно к отысканию единства и тождества во всем бесконечно разнообразном мире явлений. Мы сравнили человеческие знания с разорванной цепью, а стремление к пониманию – с стремлением восстановить ее целостность, найти невидимые звенья, соединяющие видимые кольца этой цепи. Чтобы сделать полнее это сравнение, добавим, что звенья этой бесконечно длинной цепи бесконечно малы в отдельности, так что только острое зрение в состоянии открыть, что многих из них недостает. Для зрения же обыкновенного цепь кажется целой,

и люди, слабо видящие, не могут понять, чего ищут люди, хорошо видящие: им кажется, что они видят все, что нужно, хотя в действительности не видят и того немногого, что могли бы видеть.

Вот почему мир природы и жизни так понятен для людей с грубым умом и так непонятен для людей с умом глубоким и тонким. Тогда как для первых все уже ясно, для вторых еще все темно; для первых нет ничего, что не было бы естественно и обыкновенно, для вторых каждое обыденное явление полно загадочности; первые живут не удивляясь и не беспокоясь, жизнь вторых – непрестанное удивление перед непонятным и беспокойство перед неизвестным, сущность чего необъяснима для них, но о существовании чего они твердо знают. Отсюда-то вытекает умственное равнодушие первых и жажда познания вторых.

6. Это понимание может быть усовершенствовано; самое же усовершенствование может быть двоякое: *прямое* — через дальнейшее выяснение подробностей скрытого процесса, природа которого раскрывается в этом понимании, и *посредственное* — через усовершенствование понимания главного явления, к которому сведены другие явления. В рассматриваемом случае прямое усовершенствование будет состоять в определении формы, величины и законов молекулярного движения и в отыскании постоянного математического соотношения между формой и величиною этих движений, с одной стороны, и между температурой тел — с другой. Посредственное же усовершенствование будет происходить через усовершенствование понимания *движения* вообще, как явления природы, рассматриваемого в самом себе, без отношения к явлениям тепловым. Чем глубже проникнет человек в сущность, свойства и законы движения как космической силы природы, тем яснее будут становиться для него все явления теплоты как одного из частных проявлений этой общей космической силы.

Усовершенствование всякого понимания имеет два фазиса в своем развитии: фазис анализа и фазис синтеза. Первый из них состоит все в дальнейшем и дальнейшем разложении изучаемого на составные элементы до тех пор, пока эти элементы различного, по-видимому, не окажутся тождественными между собою, а видимое разнообразие самого изучаемого не сведется к разнообразию в сочетании открытых элементов и групп их. Это тождество различного должно быть последнею целью анализа, и оно всегда будет открыто, если изучаемые явления и предметы действительно находятся в связи между собою; так как только тождественное может быть производящею причиною тождественного, явления же в самой сущности разнородные не могут влиять друг на друга. С достижением понимания одного общего в видимом разнообразии оканчивается анализ; и затем наступает синтез как объяснение наблюдаемого разнообразия из открытого общего в нем, как понимание процессов и законов происхождения этого разнообразия. Так, все физические явления, как, по-видимому, ни различны они, сводятся к движению вещества; но с этим открытием еще не оканчивается задача науки: ей предстоит объяснить, каким образом это движение переходит во все то разнообразие явлений, которое наблюдается в космосе. Так, разнообразие явлений в мире человеческом сводится к психическим состояниям; но наука должна еще, поняв эти состояния, вывести из них все факты, наблюдаемые в этом мире.

Создаваемая таким образом наука дает человеку предвидение и всемогущество, — и давать это она начинает с того момента, как закончен анализ и открыто в разнообразном единое тождественное. Тогда, понимая элементы, человек начинает предвидеть следствия сочетаний их и, владея этими элементами, получает способность не только воспроизводить явления природы, но и создавать новые, еще неизвестные в природе явления, заставляя элементы вступать в новые, еще не испытанные сочетания. Он начинает как бы *творить природу*.

Таким образом, вот признаки знания: *бессилие разрешить вопросы* разума относительно предмета его; *ограничение сознанием существования* этого предмета; *ограничение знанием внешних признаков и наружных форм* его, но не внутренней природы и строения; *отрывочность* предмета его; кажущаяся *случайность его существования* или появления (т. е. для

разума, не видящего причинной связи его с чем-либо другим); *неусовершенство* его; *отсутствие мышления в произведении* его; *бесцельность* в его образовании. Все эти признаки связаны между собою, так что присутствие одного из них неизменно сопровождается присутствием всех остальных. Эти признаки постоянны в знании и исключительно ему принадлежат (так как их нет в понимании, а знание и понимание исчерпывают собой всю область умственной жизни человека); следовательно, они суть признаки, определяющие знание, т. е. его *критериумы*. Для того чтобы узнать, есть ли известное произведение ума знание или понимание, следует только посмотреть, есть ли один из этих признаков в нем или нет.

Понимание же имеет следующие признаки: *необходимость существования предмета его*; *содержание в себе ответа на совокупность вопросов*, которые разум может предложить относительно этого предмета; *раскрытие внутренней природы понимаемого предмета и скрытого процесса*, происходящего в понимаемом явлении; *цельность его* (понимания); *господствующее участие разума* в произведении его; *усовершенство его*; *целесообразность в его образовании*. Эти семь признаков также постоянны в понимании и исключительно свойственны ему, т. е. определяют его и служат его критериумами. Но кроме того, так как в этом состоит понимание и так как человек исследует все, чтобы понимать, то они могут служить руководящею таблицею при всяком исследовании, показывая, чего именно следует искать в изучаемом (признаки 1, 2, 3, 4) и каким путем это может быть сделано (признаки 5-й и 6-й).

Рассмотренный нами пример теплоты, расширения и молекулярного движения мы взяли потому, что, строго ограничиваясь тремя явлениями, он чрезвычайно прост и потому удобен для объяснения различия между знанием и пониманием. Но ясно, что природа и признаки знания и понимания остаются постоянно те же, как бы ни изменялось то, что составляет предмет их.

V. Так как по отношению к человеку знание и понимание различаются главным образом степенью его участия в их произведении, то мы и сделаем различие в том, что образует их. При образовании первого сознание только отражает в себе текущие явления и удерживает в себе эти отражения; при образовании понимания оно является деятельным началом. Поэтому пассивно узнающее в человеке мы назовем *умом* (говорить и поступать умно, значит поступать и говорить сообразно с вещами, как они *являются* человеку), а деятельно понимающее в нем — *разумом* (что стремится уразуметь, понять являющееся чувствам через обнаружение скрытого от них).

Ум по преимуществу раскрывается в практической деятельности человека — в способности умело вести дела личные и в умении устраивать дела общественные. На ранних ступенях человеческого развития он встречается так же нередко и в такой же силе, как и в более зрелых периодах исторического развития. Его ясность обнаруживается в способности не ошибаться, его сила обнаруживается в способности приводить в движение и направлять сложное и массовое. Разум раскрывается в теоретической деятельности человека и отражается в жизни только в те редкие моменты, когда сама жизнь пытается стать его отражением. Его ясность обнаруживается в правильности и простоте понимания, его сила обнаруживается во всеобъемлемости этого понимания. Ум представляет собою что-то несамостоятельное, как бы приданное к другим способностям человека; и подобно этим последним он употребляется им, как орудие, для достижения различных целей. Он не имеет своих задач, и поэтому бездействует и ослабевает всегда, когда утихает внешняя деятельность, помогать которой есть его назначение; деятельное состояние его можно назвать состоянием «узнавания» и «обдумывания». Разум представляет собою нечто замкнутое в себе и глубоко самостоятельное; не человек обладает им, но он живет в человеке, покоряя себе его волю и желания, но не покоряясь им. В самом себе носит он свою цель и скорее заставляет человека забывать о всех нуждах и потребностях своих, нежели служит им. Внешняя деятельность болезненно подавляет его, и только в полном самоудединении и покое раскрывается он во всей силе и полноте своей. Что разум не есть только высшая ступень

в развитии ума, это видно из того, что они редко встречаются вместе и что с пробуждением и усилением одного из них гложет и замирает другой.

VI. Науку образуют не знания, но понимание; из знаний же имеют к ней отношение только те, которые имеют целью образовать понимание и ведут к нему.

Рассмотрим необходимость и правильность этого ограничения области науки областью понимания.

Есть два условия, лежащие в самой природе знаний, которые побуждают к этому: 1) невозможность ввести в науку все знания без различия, 2) невозможность провести различие между отдельными знаниями; вследствие чего, допустив в содержание науки некоторые знания, необходимо было бы допустить и все остальные, что противоречит первому условию.

Все знания невозможно ввести в науку, во-1-х, потому, что в таком случае всякий человек без особенного труда мог бы расширять содержание науки, – стоило бы лишь о чем-нибудь узнать что-нибудь достоверное. Ясно, что при этом условии невозможно было бы ни придать науке какую-либо правильность, ни сообщить ее развитию какую-либо последовательность. Ее форма, содержание, задачи представляли бы собою нечто неуловимо изменчивое, подвижное и лишенное всякой определенности. Во-2-х, потому, что в таком случае необходимо было бы признать наукою те массы знаний, которыми обладали и обладают народы, о которых справедливо привыкли думать, что они не создали науки. Напр., дикие народы имеют много знаний, верных и точных, но что случилось бы с наукой, если бы в содержание ее ввести все эти знания? Китайцы также имеют много знаний, интересных, удивительных и истинных, но совокупность их знаний мы не решимся назвать наукой, потому что у этого народа никогда не замечалось стремления к чистому пониманию и свои знания он приобретал не для того, чтобы достигнуть его. Греки многое знали до Фалеса, но только с Фалеса начинается у них наука; потому что хотя он и не приобрел никакого важного знания с точным значением, однако в нем в первом пробудилось стремление к пониманию, т. е. к объяснению того, что знал ранее и он, и другие. Римляне, столь положительные и точные в жизни и в знаниях, также не создали науки. Наконец, – и это особенно замечательно – из новых народов признаются образовавшими у себя науку только романо-германцы, живущие в пределах Европы, – хотя не только знания, но и Академии, Университеты и ученая литература существуют и у других народов, живущих как в Европе, так и за ее пределами. Где источник этого убеждения, никем не оспариваемого? Не значит ли это, что наука с одной стороны, а знания и даже ученость – с другой не тождественны? И причина их различия не лежит ли в различном отношении к ним человека, в различии самых побуждений, которыми руководится он, в одном случае создавая науку, а в другом – только ученость и знания? То видимое целое – литература и учреждения, – что мы называем наукою греков и европейцев, не есть ли только видимое проявление, бессознательно созданное и никогда не служившее само себе целью, невидимой жизни духа, стремящегося к пониманию и движимого пытливым духом? а то разрозненное и нестройное, что мы называем произведением учености и знания у других народов, не есть ли только искусственное создание этих внешних форм, с надеждой, мы думаем напрасной, что в них зародится со временем тот дух, который должен был бы вызвать их?

Таким образом, невозможно вводить в науку все знания, не может составить части ее каждое знание. Но однако, принято многие знания называть *научными*, хотя – достойно замечания – совокупность их никогда не называют наукою. Справедливо ли это? Можно утверждать, что нет, относительно всех знаний, приобретенных не с целью достигнуть понимания; на том основании, что ни в природе, ни в свойствах этих знаний нет никакого отличия от всех других знаний, которых никто не решится ввести в науку.

И в самом деле, если мы посмотрим в то, почему одни знания вводятся в содержание науки, а другие – нет, то увидим, что причина этого лежит не в самих знаниях, а в условиях их приобретения. Этих условий три: 1) количество приобретаемых знаний: если их много, их

вводят в науку, если мало – не вводят в нее, хотя природа их одинакова: вводимые знания состоят из многих, порознь не вводимых в нее. Сюда относятся все так называемые «собрания сырых материалов», т. е. простых описаний, наблюдений и известий о предметах и явлениях. Напр., описание обычаев жителей какого-либо одного селения не вводится в науку; но собрание наблюдений над нравами и обычаями многих селений вводится в науку этнографии и статистики. Отдельное наблюдение над состоянием температуры и влажностью воздуха не считается научным; но если этих наблюдений сделано несколько тысяч, их вводят в науку метеорологию. Отдельное известие о жизни какого-либо замечательного человека или о каком-нибудь замечательном событии не называется научным; но собрание таких известий нередко называется наукою истории. Это же описание отдельных предметов, фактов и явлений составляет содержание бесчисленного множества так называемых «монографий», особенно наполняющих собою естествознание. Все эти описывающие и рассказывающие науки, равно как все описывающее и рассказывающее в науках, не ограничивающихся этим, вносились и вносятся в науку согласно с определением ее как «совокупности человеческих знаний»; но должно быть строго выделено из нее как из «понимания». 2) В количестве труда, употребляемого для приобретения этих знаний. Так, напр., ценность этнографических наблюдений возрастает в мнении людей, если они сделаны в странах отдаленных и малодоступных. Ценность зоологических и ботанических описаний возрастает, если предмет их – существа, редко встречающиеся в природе. Ценность исторических рассказов увеличивается по мере отдаленности тех эпох, которых они касаются. 3) В малой доступности этих знаний как для тех, которые захотели бы образовать их, так и для тех, которые захотели бы их усвоить. Сюда относятся многие специальные ученые сочинения, требующие долгой предварительной подготовки, напр., изучение рукописей и критика текстов в филологии. Знания, составляющие содержание этих и подобных трудов, не имеют внутреннего значения и достоинства; но трудность, с которою они приобретаются и усваиваются, и малое количество людей, занимающихся ими, увеличивает уважение к этим знаниям и их вводит в науку. Заметим, что из рассмотренных трех условий, способствующих введению в науку простых знаний (не имеющих целью образовать понимание), первые два чрезвычайно расширяют содержание науки и вводят в число соиздателей ее людей, не обладающих ни глубиной интереса к истине, ни силою ума; а третье условие чрезвычайно суживает содержание науки и вводит в число соиздателей ее людей, обладающих часто большою силою воли и большим трудолюбием, но лишенных нередко всякого интереса к пониманию. Все три условия производят то, что наука становится достоянием как бы отдельного класса людей и как занятие наполняет их досуг и доставляет им удовольствие; но одновременно с этим она теряет интерес для всех других людей, потому что утрачивает связь со всеми глубокими интересами человеческого ума и человеческой жизни.

Как кажется, в основании воззрения тех, которые вводят в науку эти и подобные знания, лежит молчаливое убеждение, что развитие науки зависит от количества собираемых знаний, что, чем больше будет сделано наблюдений и записано фактов, тем лучшим материалом будут служить они для выводов, – хотя бы и были сделаны без всякой определенной цели и предусмотренного плана. Это убеждение глубоко ошибочно. Оно основано на непонимании самой природы способов изыскания истины. Можно собрать громадное количество наблюдений, и при всей точности своей они могут быть таковы, что из них невозможно получить ни одного вывода, способного занять место в науке. Все выводы, получаемые из таких простых наблюдений, верны только в пределах сделанных наблюдений: мы видели, что данное явление совершалось так-то или что ему сопутствовало то-то, и *знаем* это; но будет ли оно всегда происходить так же и будет ли ему всегда сопутствовать то же, этого мы не знаем и не можем знать, потому что *не понимаем, почему* оно происходит так, а не иначе или *почему* ему сопутствует то, а не другое. И понимания этого невозможно извлечь ни из каких наблюдений, как бы много их ни было. Для этого необходимы другие приемы исследования: опыт – простой, но хорошо

придуманной. История науки всего лучше убеждает в этом: напр., в физике все открытия были сделаны не путем бесчисленных наблюдений, но при помощи двух-трех опытов, искусно произведенных, т. е. таких, в которых не только смотрели глаза, но и думал ум.

Таким образом, из знаний только те имеют значение для науки, которые были приобретены с целью образовывать понимание. Из них только могут быть выведены истины, имеющие не временное значение, верное в пределах сделанных наблюдений, но неизменное, постоянное. Бесцельно же собранные знания должны быть выделены из области науки – безразлично, будут ли они многочисленны или одиночны, с трудом приобретены или без него, с предварительною научною подготовкою или без нее. Можно с помощью простых или сложных приемов описать небо и землю, сосчитать песчинки в пустыне и капли в море; это будут знания бесчисленные и точные, приобретенные трудом нескольких поколений; но это не будет наука, ни даже тень науки.

Это ограничение области науки областью понимания не носит в себе отрицания многочисленных и разнообразных знаний, приобретаемых человеком для нужд и без нужды. Оно только выделяет их из науки как нечто несамосущее, изменчивое и временное. И с тем вместе это отождествление науки с пониманием замыкает первую в самой себе, превращая ее в самостоятельную область человеческого творчества. В этом творчестве и исходным началом, побуждающим к деятельности, и целью, к которой направляется деятельность, служит не временное в человеке и не произведенное в нем, но, как это будет показано ниже, его первозданная и вечная природа.

Заключенное в этих границах вполне соответствует тому, что называлось наукой в лучшие для нее времена, и тому, что есть лучшего в ней теперь; потому что оно обнимает собою все, что создавалось и создается в науке, выделяя лишь то, что никогда ничего не создавало в ней и не стремилось ничего создать. Но, что особенно важно, оно вполне выражает природу того, о чем смутное, но глубокое и прекрасное понятие сложилось в жизни – по крайней мере в нашей – и упорно хранилось несмотря на все, что являлось под именем науки и что нередко так не соответствовало этому понятию. Возведение науки к чистому пониманию только проясняет это смутное сознание, и отрицание научности во всем, что не связано с пониманием, только оправдывает это влечение, столь глубоко коренящееся в человеческих инстинктах, что ни века своею тяжестью, ни сложившаяся история своим авторитетом до сих пор не подавили его. Оно показывает, что в свободном и чистом проявлении этого инстинкта, доселе робкого, как бы чувствующего неправоту свою, и состоит всецело сущность науки. И в самом деле, как простая любознательность служит признаком только внешности и бессодержательности ума, так и ученость, не соединенная с пытливостью, скорее подавляет разум, нежели служит обнаружением его; потому что и та и другая есть приобретение познаний извне, и порождается невольною потребностью наполнить внутреннюю пустоту его, занять чем-нибудь познавательную способность, внутри бессодержательную и безжизненную. Не коренясь ни в каких инстинктах человеческой природы, в этом виде наука не есть нечто необходимое для человека, не есть невольное проявление его творчества, не есть раскрытие его разума и органов последнего. И появляется она в этом виде только тогда, когда или еще не пробудилась его природа в истории, или уже погасла подавленная.

Показав, что предмет науки есть неизменно существующее, ее содержание – истинные знания о нем, а ее сущность – соединение этих знаний в понимание, перейдем теперь к исследованию, объяснению и доказательству второй части определения науки. Здесь перед нами точнее раскроется, в чем именно состоит понимание и как относится оно к разуму, из которого исходит, и к понимаемому миру, о котором слагается.

Глава II

О схемах разума и сторонах существующего

I. Раскрытие внутреннего содержания второй части определения науки и доказательства справедливости ее. – II. Рассмотрение общего процесса образования полного понимания. Существуют ли какие-либо знания в разуме ранее опыта? Два представления, без которых и немыслимо и невозможно какое-либо знание, сами невозможны и немыслимы без предшествующего чувственного впечатления. Эти два чувственные представления необходимо предшествуют и образованию аксиом; однако процесс самого образования аксиом совершается помимо опыта, не только чувственного, но даже и умственного. – III. Существует ли самый разум ранее опыта? Порядок возникновения в разуме идей, образующих полное понимание. Идея существования как необходимо предшествующая всем другим идеям разума. Центр схем понимания. Образование идеи о сущности бытия. Образование идеи об атрибутах бытия. Образование идеи о причине бытия; отличие процесса образования этой идеи от процесса образования предшествующих идей и его значение в общем развитии человеческого понимания. Образование идеи о цели бытия. Образование идеи о сходстве и различии бытия; условия, необходимые для возникновения этой идеи; особенности ее образования. Образование идеи числа; вероятный порядок возникновения чисел. – IV. Строение разума, раскрывающееся в процессе образования полного понимания. Вид существования разума; понятие о существовании реальном и потенциальном; два вида потенций: неопределенные и определенные; бесформенность и инертность первых, законченность и скрытая жизненность вторых; первые носят в себе то, из чего образуется реальное бытие, вторые – то, во что образуется оно; к которому виду этих потенций может быть отнесен разум; первое определение его. – V. Природа жизненности, присущей разуму. Она определяется через выделение из познания того, что идет от внешнего мира, и того, что идет от самого разума. В полном понимании познаваемое взято из внешнего мира, познание идет от разума. Первое дает содержание пониманию, второе состоит из стремления приобрести это содержание и из способности образовать его. Различное отношение разума к знанию и к пониманию. Понимание есть жизнь разума и сущность его. Второе определение разума. – VI. Формы, в которых проявляется жизненность разума. Схемы понимания. Факты, показывающие невозможность, чтобы эти схемы были произведены в человеке внешним миром. Из существующего вне разума воспринимается им и понимается только то, что имеет в нем соответствующую себе схему; трудность точного определения этих схем. – VII. Соотношение между схемами понимания и сторонами бытия; это соотношение предсуществует влиянию бытия на разум и разума на бытие; его объяснение поэтому следует искать в общем происхождении бытия и разума. Потенция идеи существования как центр этих схем. Сущность каждой и отдельной схемы состоит в чистом стремлении и в чистой способности образовать идею, соответствующую своей природе, о существующем. Шесть схем понимания: схема сущности, соответствующая природе существующего; схема атрибутов, вытекающая из природы существующего; схема причинности, соответствующая производящему в существующем; схема целесообразности,

соответствующая производимому в существующем; схема сходства и различия, соответствующая родам и видам в существующем; схема чисел, соответствующая количественной стороне в существующем. Третье и окончательное определение разума. – VIII. Объяснение явлений процесса понимания из природы разума, выведенной из наблюдений над этим процессом. Уничтожение эмпиричности в истинах об этих явлениях понимания, и сообщение им характера необходимого и постоянного. Первый ряд аксиом относительно познания: 1. познание неизменно и необходимо складывается из наблюдения и умозрения, 2. наблюдение неизменно и необходимо предшествует умозрению, 3. раз начавшийся процесс понимания неизменно и необходимо переходит во всепонимание, 4. этот процесс понимания движется, направляется и определяется самою природою познающего разума, но не природою и влиянием внешнего познаваемого мира. Второй ряд аксиом относительно познания: 1. познавание есть явление, произведенное и обусловленное соответствием схем понимания со сторонами бытия, 2. границы понимания человеческого определения схемами человеческого разума. Три возможные случая в соотношении между миром идей и миром вещей; невозможность для человека когда-либо переступить через границы, положенные для его разума в самом строении этого разума; сущность этой ограниченности разума.

I. В стремлении и в способности образовать науку как понимание раскрывается природа человеческого разума.

Не трудно заметить, что в науке как в «совокупности человеческих знаний» природа разума человеческого остается скрытою, необнаруженной. Даже более: в образовании подобной науки совершенно не видно его участия. Получать простые знания, присоединять их одно к другому – это процесс, свойственный не только всем людям без различия, но, как кажется, и существам низшим. Здесь ум человека является простым приемником внешних импульсов, зеркалом, отражающим и удерживающим мимо идущие впечатления. В этой способности получать и удерживать впечатления не проявляется никакой внутренней жизненности духа, нет ничего, о чем мы могли бы утверждать, что оно присуще ему по самой природе его: к этой работе способен и мертвый механизм. Скажем более: рассматривая эти знания, невозможно узнать, существует ли самый этот разум ранее полученных впечатлений, так как ни до восприятия их, ни после того, как они восприняты, он ничем не обнаруживает своего самостоятельного, от них независимого существования. Быть может, с получением внешних импульсов не пробуждается он: до них его просто нет; быть может, он, как совокупность полученных впечатлений, и возникает только в момент их восприятия; самая сущность его, быть может, и есть только пучок этих собранных впечатлений, и раз рассыплются они, исчезнет и он бесследно.

Совершенно другое понятие составим мы о разуме, если рассмотрим процессы образования понимания. Сложное и строго определенное, по мере того как образуется оно, в нем выступают его скрытые формы и обнаруживается его невидимое строение и природа; подобно тому как проступают бесцветные и невидимые формы сосудов, когда в них впитывается окрашивающее вещество.

II. Рассмотрим же, чтобы обнаружить эти формы разума, общий процесс, через который проходит всякое образующееся понимание. Его можно проследить и проверить на себе во всякое время.

Прежде всего и опыт и размышление убеждают нас, что никакое понимание не может быть образовано без предварительного чувственного впечатления; ничто не может появиться в сознании, пока не появилось что-либо в ощущении. Потому что без этого внешнего впечатления *нет предмета для понимания*: нельзя понять что-либо, когда не знаешь, существует ли что-

нибудь. Невозможно, чтобы ранее соприкосновения с внешним миром в разуме было какое-либо знание; потому что всякое знание есть необходимо знание о чем-нибудь, а самое *сознание о существовании* чего-либо может быть почерпнуто только из опыта.

Из этого общего закона о происхождении человеческих знаний не могут быть исключены так называемые аксиомы, о которых утверждают обыкновенно, что они присущи разуму по самой природе его и существуют в нем ранее всякого опыта. Пока обращалось внимание на то, что истинность и непоколебимость содержимого в них знания превосходит собою истинность и непоколебимость всех опытных знаний, до тех пор можно было думать, что они действительно предшествуют всякому опыту и независимы от него. Но если мы обратимся от этого содержимого знания к тому, *что составляет предмет его*, если от свойств и отношений, утверждаемых или отрицаемых в аксиомах, перейдем к *существованию* обладающего свойствами и вступающего в соотношения, то мы тотчас увидим невозможность выделить происхождение аксиом из общего происхождения всех знаний и признать их знаниями предопытными. И в самом деле, как может разум знать, что, напр., параллельные линии никогда не сойдутся, когда он не знает, существуют ли вообще какие-нибудь линии; а знание о существовании линий он получает, только соприкасаясь с внешним миром. Или как он может знать, что целое равно сумме своих частей, когда он не знает, существуют ли вообще какие-нибудь предметы, – а тем более что эти предметы делятся на части. Для того чтобы образовать какое-нибудь понятие о чем-либо, человек необходимо должен предварительно образовать два представления: 1) о существовании того, о чем что-либо утверждается, 2) *о существовании того, что* о чем-либо *утверждается*. Но всякое представление о существовании чего бы то ни было чуждо разуму, рассматриваемому в самом себе. О том, есть ли что-нибудь, он узнает тогда только, когда существующее внешним импульсом дает ему знать о своем существовании.

Но если, таким образом, аксиомы не могут быть признаны знаниями *предопытными*, то, тем не менее, истины, в них заключенные, подобно многим другим, следует признать *сверхопытными*; потому что процесс образования их совершается помимо опыта не только чувственного, но даже и умственного. Так, в примере, взятом нами, положение, что «параллельные линии никогда не сходятся», получается не через рассматривание существующих параллельных линий и не через умственное продолжение их в пространстве, но путем простого умозаключения. Из самого дела, из предложений: 1) «параллелизм линий есть свойство их на всем протяжении находиться на одном и том же расстоянии друг от друга» и 2) «сходимость линий есть свойство их на своем протяжении изменять взаимное расстояние от некоторой величины до нуля» ум прямо заключает, что две линии не могут обладать одновременно и параллелизмом и сходимостью, потому что каждое из этих двух свойств состоит в отсутствии другого свойства, т. е. что 3) «параллельные линии никогда не могут сойтись» (предполагаемая предопытная аксиома). Но ни этого и никакого другого знания разум не может иметь ранее опыта, потому что только опыт дает ему сознание о существовании тех предметов, имена которых служат логическими подлежащими и логическими сказуемыми в предложениях, выражающих какое-либо предполагаемое до опыта знание.

Но так как реальное (уже существующее) содержание разума могут составлять только реальные (действительно существующие, т. е. уже образованные) истины, то из всего сказанного о происхождении знаний вытекает следующее: *разум, рассматриваемый в самом себе, не есть что-либо действительно существующее* (не есть существо реальное).

III. Теперь, чтобы не оставить ничего неразъясненным относительно разума и чтобы определить точнее значение одного из терминов, вошедших в выведенное положение о нем, разрешим следующий вопрос: «*разум, не имеющий реального существования, есть ли вообще отсутствие всякого существования?*»

Вопрос этот может быть разрешен следующим образом: если разум не имеет *никакого* существования сам по себе, то, следовательно, он есть пустое *ничто*; но если он есть совершен-

ная пустота, то в то, что по предположению заменяет его, может быть поставлено все желаемое, т. е. что в нем безразлично отразится всякое впечатление, какое мы пожелаем в него ввести, и образуется безразлично всякое представление.

Вот рассуждение, справедливость которого едва ли может быть подвергнута сомнению и которое ожидает только опыта, чтобы дать безусловно твердое решение в ту или другую сторону. Произведем же этот опыт.

Знания могут быть или о существовании чего-либо, или о природе чего-либо существующего, или о каком-нибудь свойстве его, или о его причине или цели, или, наконец, о его сходстве с чем-нибудь или различии от чего-либо. Если до соприкосновения с внешним миром разум не имеет никакого существования, то в таком случае из этих шести видов знания в нем безразлично может образоваться первым каждое. Посмотрим, действительно ли это может произойти. И опыт (его может каждый совершить на себе), и наблюдение над другими, и размышление одинаково убеждают нас, что нет. Разум не может образовать первое свое представление о природе чего-либо, потому что в нем нет еще представления о существовании чего-либо; разум не может сперва узнать о свойстве предмета, а потом о том, что существует предмет, обладающий этим свойством; он не может сперва узнать о цели чего-либо, а потом о том, что есть это нечто, имеющее цель, и т. д. Одним словом, опыт убеждает, что и получаемые разумом впечатления, и представления, возникающие в нем, следуют одно за другим в некотором строго определенном порядке, правильности которого не в состоянии нарушить ни природа, ни сам человек. Именно, первое соприкосновение разума с миром внешним необходимо отразится некоторым сознанием, которое будет *первым* для него, и этим сознанием неизменно будет идея *чистого существования*: «есть нечто» – вот первое, что говорит в себе разум, первое движение его, первая жизнь в нем. Идея чистого бытия ранее всех других вступает в разум и составляет первое реальное, уже сформировавшееся содержание его. Никакая другая идея ей не предшествует, она неизменно предшествует всем идеям.

Таким образом, произведенный опыт обнаруживает одно скрытое свойство разума, которое при обыкновенных условиях, вследствие быстроты воспринимаемых друг за другом впечатлений, остается незамеченным. Это свойство его состоит в неспособности воспринимать какое-либо впечатление и образовать какую-либо идею прежде, чем будет образована идея существования, т. е. в свойстве и получать представления и образовывать идеи в некоторой последовательности. И так как оно обнаруживается в момент восприятия первого впечатления, ранее которого ничто не привзошло в человека из внешнего мира, то, следовательно, оно исходит изнутри его; а так как оно есть способность, свойство, свойство же не может не быть свойством чего-либо, т. е. какого-либо существа, то, следовательно, разум есть, существует ранее первого впечатления.

Это свойство разума, в связи с рассуждением, из которого исходит произведенный опыт и на котором он был основан, дает, таким образом, отрицательное разрешение постановленного вопроса относительно предопытного существования разума: *«хотя разум и не имеет реального существования до соприкосновения с внешним миром, тем не менее он не есть отсутствие всякого существования»*. Правда, до получения внешних впечатлений он ничем не обнаруживает своего присутствия в человеке; но вот едва мы, обманутые этим, пытаемся заместить предполагаемую пустоту каким-нибудь реальным существованием, как тотчас чувствуем, что эта кажущаяся пустота не есть ничто: в ней есть что-то живое, потому что вводимые впечатления все отталкиваются, и воспринимается только одно определенное.

Это особенное, что находится в разуме до восприятия впечатлений внешнего мира, может быть выражено в следующем определении: *«это есть центр, к которому сходятся все схемы понимания, воспринимающий на себя все первые впечатления внешнего мира и представляющий собою потенцию идеи чистого существования, простую и неразложимую, состоящую в чистой способности образовать эту идею»*.

Объясним некоторые выражения этого определения. Это есть *центр*, узел, к которому сходятся все схемы человеческого понимания, потому что, как видно будет из дальнейшего исследования, всякое понимание в своем развитии движется по некоторым, строго определенным, схемам, и эти схемы впервые пробуждаются к жизни с восприятием впечатлений этим центром. Он воспринимает *все* первые впечатления внешнего мира, потому что, о чем бы из существующего в этом мире ни узнавал разум, он всегда узнает сперва о существовании познаваемого, – будет ли то предмет, свойство, причина и пр. Этот центр схем понимания имеет *потенциальное* существование, потому что до получения впечатлений внешнего мира он лишен всякого реального существования и представляет собою только условие, только возможность действительного бытия, – но при этом такую, которая неизменно и необходимо переходит в реальность при первом соприкосновении с лежащим вне разума. Чтобы яснее понять сущность этой потенциальности, возьмем во всем сходный пример семени и растения, которое из него вырастает. Несомненно, что в семени растение еще не имеет реального существования, но так же несомненно, что оно уже существует в нем потенциально со всеми своими будущими формами и отличительными признаками, родовыми и видовыми. Наконец, этот центр понимания есть потенция *простая*. Всякая потенциальность представляет собою или одну *способность*, т. е. совокупность всех условий, – с присоединением некоторых других, – перейти к реальному существованию; или способность и вместе *стремление* перейти к этому существованию. Так, семя, не посаженное в землю, представляет собою простую потенцию возможности, но семя прорастающее представляет собою сложную потенцию возможности и стремления перейти в дерево.

Разрешив вопрос о предопытном существовании разума, перейдем к исследованию того процесса, через который из потенциального состояния он переходит в состояние реальное, или – что то же – рассмотрим процесс образования в нем полного понимания. Чтобы раскрыть все формы этого процесса, будем следить за тем, что происходит в разуме после восприятия им первого впечатления и образования в нем первой идеи – идеи существования.

Едва появится в разуме сознание существования чего-либо, как оно тотчас вызовет в нем некоторое особенное состояние, которое можно назвать состоянием спрашивающего недоумения. Знание «есть нечто» немедленно вызовет вопрос: «что есть существующее нечто?» Образовавшаяся в разуме *идея бытия вызывает в нем стремление образовать идею о сущности (о природе) бытия*. Этот второй момент жизни разума вызывается первым моментом и уже не связан непосредственно с впечатлениями внешнего мира, но обусловлен строением самого разума. Пусть человек ничего не знает о природе того, что произвело на него впечатление, – но раз в нем от этого первого впечатления образовалась идея существования, эта идея (но не то, что вызвало ее) неизменно и необходимо вызовет стремление познать природу неизвестного существующего. Это стремление, вызванное природою разума, побуждает человека обратиться к внешнему миру и с помощью разнообразных приемов исследовать природу того, что произвело на него впечатление, т. е. образовать знание, удовлетворяющее тому стремлению, которое пробудилось в нем. В разуме образуется *вторая идея – идея о сущности бытия*, и эта идея так же не может быть предупреждена никакою третьей или четвертою идеею, как сама не может предупредить первую. Следовательно, это есть идея строго определенная как по своему содержанию, которым может быть только природа познаваемого, так и по своему положению относительно всех других идей (следует за идеей бытия и предшествует всем другим идеям).

Когда окончилось образование в разуме второй идеи, в нем пробуждается новое стремление – познать *свойства* (атрибуты) существующего. Причина этого стремления лежит также в пробудившемся к жизни центре схем понимания, но не во второй, уже образованной идее. Это стремление побуждает человека снова обратиться к внешнему миру и узнать свойства произведшего впечатление, путем ли простого наблюдения или путем сложных процессов мысли (напр., в тех случаях, когда свойства вещи не могут быть усмотрены непосредственно, но выво-

дятся умозрительно из природы ее, как, напр., свойства линий и фигур в геометрии). Образуется в разуме *третья идея* — идея об *атрибутах познаваемого*, столь же строго определенная по своему содержанию и положению относительно других идей, как и идея вторая.

Тот факт, что вследствие наружного положения признаков вещей они как будто познаются одновременно с природою существующего или даже ранее ее, заставит многих усомниться в правильности высказанного взгляда относительно неизменного содержания и положения этой третьей идеи. Поэтому вопрос этот следует рассмотреть внимательнее.

Чтобы узнать, не познаются ли признаки ранее сущности, нужно взять случай, когда различные стороны познаваемого воспринимаются поодиночке и притом с некоторыми промежутками. Тот невольный вопрос, который пробудится в разуме при восприятии первого впечатления о существовании чего-то вне его, разрешит вопрос и о содержании второй и третьей идеи, и о их взаимном положении. Итак, пусть идущий в темноте по ровному месту натолкнется нечаянно на что-нибудь. В тот момент, когда он остановлен препятствием, у него есть сознание о существовании того, что остановило его. Каков будет затем первый вопрос его о нем? Неизменно вопрос о том, что это такое, но не вопрос о том, каково оно. Разум не только не спросит себя прежде всего о цвете, о тяжести, о твердости предмета, но не спросит даже и о форме, о величине и о положении остановившего его, хотя знание об этих свойствах предмета для него важнее, чем знание о том, что именно за предмет это. Так же спутник, идущий вслед за первым, при виде невольной остановки товарища (т. е. сознав о существовании остановившего его), повинувшись бессознательно природе своего разума, неизменно спросит его: «что это такое?», но не «каково оно?» При виде разбросанного и растащенного имущества или истребленных запасов хлеба первый невольный вопрос — «кто здесь был?» и «кто истребил запас?», хотя вопрос о том, как велика случившаяся трата имущества, есть единственно интересный вопрос для потерпевшего, вопрос же о том, кто именно причинил потерю, второстепенен. Так же при встрече с каким-нибудь неожиданным фактом или необыкновенным явлением, моментально сообщаящим сознанию о *существовании* чего-то, что мы не ожидали встретить в данном месте, мы невольно спрашиваем себя: «что это такое?» Словом, всюду и всегда, когда что-нибудь дает разуму несомненное знание о своем существовании и при этом остается скрытым всеми другими частями своего бытия, — всякий раз, когда человек останавливается удивленный, пораженный или испуганный чем-то неизвестным, он спрашивает себя прежде всего о природе этого неизвестного. Это показывает, что в строении разума есть нечто, что заставляет человека неизменно и необходимо вслед за идеей о существовании образовывать идею о сущности пребывающего. И даже в тех случаях, когда вследствие самого положения внешних вещей и строения своих чувств человек узнает о самом существовании предмета через появление перед собою какого-либо признака существующего, он невольно и моментально образует идею о его сущности, хотя и в самой общей форме, и уже к ней относит воспринимаемый признак, — что выражается и в языке всех народов («что-то белеет вдали» = «предмет какой-то белый виден вдали», но не «белое вдали»).

Идеи вторая и третья — о природе и о свойствах существующего — исчерпывают познаваемое, рассматриваемое в самом себе. Но разум не удовлетворяется этим познанием, и в том новом стремлении, которое теперь пробуждается в нем, лежит истинная причина безграничности человеческого исследования. Переводя разум от изучения вещи, произведшей на него впечатление, к *отысканию* и *изучению* вещей, смежных с нею, и вслед за познанием их к отысканию и изучению того, что уже им предшествует и за ними следует, и т. д. до бесконечности, — это стремление становится тем двигателем, который не давал и не даст человеку успокоиться дотол, пока его понимание не станет всепониманием. И причина и источник этого стремления также лежит в природе и в строении человеческого разума, в той *пустоте, ищущей содержания*, которая и ранее побуждала его к изучению природы и свойств познаваемого и теперь снова побуждает к исследованию, потому что не все еще формы ее наполнены.

Рассмотрим внимательнее это явление и определим его значение для познания.

Раз закончилось познание вещи в самой себе, в разуме пробуждается стремление познать *причину* ее: «есть нечто, что произвело существующее познанное», – вот новое сознание, которого роль в миропонимании так замечательна и так своеобразна. И в самом деле, и по своему происхождению, и по своему значению это сознание занимает положение, отличное от положения всех других актов сознания. Происхождением своим эта идея обязана исключительно разуму, тому безотчетному убеждению, что «все происходящее происходит из чего-нибудь». Нет ничего вне разума, что побуждало бы человека думать это, только одна природа и одно строение познающего начала мешает ему видеть в вещах изолированные друг от друга элементы и делает невозможною мысль, что явления ни из чего происходят, ни почему существуют, ни от чего исчезают. Что же касается до роли этого нового сознания в развитии человеческого исследования, то она состоит в том, что идея причинности заменяет собою внешнее впечатление, делает ненужным его, становится на место его импульсом исследования. Как мы видели выше, для того, чтобы начался процесс понимания, необходимо только сознание, что «есть нечто», и это сознание может быть вызвано только соприкосновением с внешним миром. И в дальнейшем процессе исследования единственным побуждением к нему может быть также только это сознание («есть нечто»), но теперь уже оно возникает в разуме помимо внешнего впечатления и при этом непрерывно до тех пор, пока не будут поняты все вещи во всех отношениях. Так что весь сложный, многообъемлющий и продолжительный процесс понимания движется вперед и управляется в своем движении исключительно природою и строением разума, и только один момент его зарождения нуждается в прикосновении внешнего мира и в возникновении сознания, что «есть этот мир».

Образование идеи о причине существующего проходит через тот же процесс, как и образование других идей в разуме. Различие в познании здесь заключается только в том, что предметом исследуемым теперь становится не то, что произвело впечатление и потому определенное и известное, но нечто такое, в существовании чего разум только имеет твердое убеждение, но что само по себе совершенно неизвестно, что разум должен еще разыскать, найти, чтобы потом уже приступить к познанию.

Раз эта причина найдена и связана с вещью, которая произведена ею, она затем сама становится предметом исследования, столь же всестороннего, как и первый объект изучения, – впрочем, не ранее, как когда образованы будут еще некоторые идеи о первой вещи. Разум последовательно познает природу и атрибуты этой причины и, связав их с природою и атрибутами первой познанной вещи и объяснив ими их, переходит к отысканию причины этого второго познанного и т. д. до «причины первой», или, что то же, до «причины всего существующего и совершающегося».

Совершенно тождественно с образованием этой четвертой идеи происходит образование *идеи пятой* – о *цели* познанного существующего или о его следствии. Здесь изменяется только область исследования: прежде оно совершалось в сфере действительно существующего, теперь переходит в сферу готовящегося к осуществлению (потенциального). С тем вместе и весь процесс исследования, проходя те же фазисы развития, как и прежде, изменяет свой характер: готовящееся к существованию необходимо здесь предугадать через изучение существующего и затем перевести познаваемое из состояния потенциального в состояние реальное, в одно время и опираясь на умозрение, и проверяя его.

Эти пять идей обнимают собою уже не один объект, а три; и когда закончилось их образование, становится возможным образование еще двух идей – *идеи сходства и различия* и *идеи числа*. Поняв природу, свойства, происхождение и цель вещи, разум останавливается в своей деятельности, потому что вследствие самого строения его в нем прекращается всякое стремление. Он выходит из состояния того спрашивающего недоумения, о котором было сказано выше и которое держит его в непрерывном напряжении от момента образования первой идеи

до момента образования идеи пятой. Теперь понимание вещи – как в самой себе, так и в отношении к тому, с чем она связана, – закончено.

Это освобождение ума в соединении с увеличившимся количеством ему известных объектов и делает возможным образование идей 6-й и 7-й. Когда закончилось понимание вещи, разум погружается в созерцание познанного и, осматривая одновременно все три объекта, впервые и невольно сравнивает их и замечает их сходство и различие. В нем образуется шестая идея, столь же определенная по своему содержанию и по своему положению относительно других идей, как и все предыдущие.

Но в идее этой есть и некоторые резкие отличия от идей, ранее образованных. Именно: 1) в образовании ее нет никакой внутренней необходимости, и 2) ее происхождение обязано разуму, а не вещам в большей степени, чем происхождение всех прочих идей. И в самом деле, сравнение вещей есть деятельность разума самая свободная, самая невынужденная. Нет в процессе образования первых пяти идей ничего, что делало бы необходимым образование этой шестой идеи; нет ничего, что вызывало бы невольно это образование, что удерживало бы разум в состоянии неудовлетворенности, пока не совершится оно и не будет создана эта идея. Всего лучше это различие может выясниться при сравнении идеи рассматриваемой с идеями предыдущими: когда раз возникло в разуме сознание, что существует вещь, в нем тотчас и необходимо возникает и твердое убеждение, что существует некоторая причина, произведшая ее, и это новое сознание порождает невольное стремление открыть и познать эту причину, объясняющую происхождение познанной вещи. Ничего подобного нет в происхождении идеи схождения и различия: когда в разуме уже образованы идеи о вещи и обо всем, что может быть узнано об ее природе, свойствах, причине и цели, в нем нет и не может явиться сознания, что эта вещь необходимо должна быть с чем-либо схожа или от чего-либо отлична, нет и не может пробудиться стремления узнать это сходство или различие, так как нет сознания о самом существовании его. Далее, в самом образовании идеи схождения и различия разум проявляет необыкновенно большое творчество, и творчество это зависит не столько от присущей разуму соответствующей схемы понимания, сколько от развития той общей жизненности и самостоятельности, которая пробудилась и укрепилась в нем во время образования предыдущих идей. Процесс сравнения и, как результат его, понятие о сходстве и различии – это почти вполне создания разума: перед ним лежат только вещи с их атрибутами и проходят явления с их причинною связью. Каждая вещь существует сама в себе и сама по себе, каждое явление только производится или производит другое явление. Принадлежность и производимость вещей и явлений – вот все отношение их между собою в реальном мире, и если разум, не ограничиваясь этим, познает в них еще нечто другое, то причина этого лежит уже не в самых вещах, но в творческой силе мышления, поднимающейся над ними и начинающей от простого понимания, лежащего в вещах и явлениях, переходить к выводу истин через свободное комбинирование уже познанного в связи с комбинированием своих представлений и идей. Так происходит образование идеи схождения и различия. От вещей, которые в мире реальном неотделимы от своих атрибутов, разум отвлекает эти атрибуты, как бы снимает их с вещей, и, запоминая, какой атрибут с какого предмета взят, начинает их комбинировать в своем мышлении как некоторые самостоятельные сущности, уничтожая тождественные из них и сохраняя различные. Затем снова как бы налагает их на вещи, причем те из последних, которые получили атрибуты, не соединившиеся в одно в мышлении и не разделяемые в момент их распределения, остаются вещами, между собою не соединенными общностью атрибутов, т. е. *различными*; а те вещи, атрибуты которых слились в мышлении, так что в момент распределения их этот один атрибут необходимо как бы воссоздать столько раз, сколько вещей, – эти вещи являются соединенными между собою единством происхождения своих атрибутов, т. е. *сходными* между собою.

Когда окончено образование идеи о сходстве и различии познанного, тогда наступает – и уже необходимо – образование *идеи числа*. Нет сомнения, что единица не есть первое число,

идея о котором образовалась в разуме: зная один предмет, разум ничего не знает о числе его, потому что он не различает этого одного от многих, существование которых еще скрыто от него. Первое число, вступающее в разум, необходимо должно быть каким-нибудь сложным числом, из которого единица потом выделяется как часть. И следя за процессом образования полного понимания, невольно можно склониться к мысли, что это первое число, вступающее впервые в разум, есть *три*. Чтобы объяснить это, заметим первоначально, что идея о числе как о чем-то отвлеченном от счисляемых предметов не рано образуется у человека и не рано образовалась у человечества. Он долго мог считать предметы как бы машинально, как бы инстинктивно, прежде чем сознательно сосредоточил мысль – не говорю на самом счислении – но просто на числе. Он долго различал – не мыслию, но глазами – один предмет от многих, два предмета от трех и т. д., как различал большие предметы от малых, окрашенные от неокрашенных, не отвлекая, а потому не сознавая даже и существующими чисел, величин, цветов. Сознательная идея о числе впервые образуется в разуме тогда лишь, когда в нем уже пробудилась и несколько развилась вообще сознательная деятельность, – т. е. тогда, когда он уже перестает только отражать в себе мимо идущие предметы и явления и начинает стремиться уразуметь их. И так как эта сознательная деятельность разума пробуждается впервые в процессе образования полного понимания, то, следовательно, и идея числа впервые образуется в нем в этом процессе. Но ранее образования идей о существовании, природе, свойствах, причине и цели познаваемого объекта идея числа образоваться не может потому, что для этого требуется не один объект, а несколько, и еще потому, что образование всех этих идей, между собою связанных, не дает освободиться мышлению. Наконец, процесс сравнения и идея о сходстве и различии также предшествуют образованию идеи числа, потому что процесс образования последнего сложен, и одна из составных частей его есть сравнение, которое разум должен произвести отдельно, прежде чем научиться производить его в соединении еще с другим процессом. Но за образованием этой шестой идеи уже необходимо следует образование идеи числа. Раз сложилось в мышлении понятие о сходстве и различии предметов, в нем естественно и необходимо наступает образование идеи *о сходстве и несходстве количеств предметов сходных и различных*. Но так как познаваемых объектов здесь *три* (вещи: изучаемая, ее создавшая и ею создаваемая), то число это сперва бессознательно запечатлевается в разуме, а затем и сознательно выступает в нем, когда, как часть его, выделяется в сознании число *два*. Это *два* есть число предметов, найденных разумом, – причины и следствия. Они выделяются в сознании из числа известных предметов как имеющие между собою то общее, что не были даны разуму непосредственно, но были отысканы им. Это число найденных предметов (2) должно выделиться в мышлении ранее, чем число данного ему предмета (1) потому, что на нахождение их он употребил значительные усилия и на них он, естественно, более сосредоточивает свое внимание, более интересуется ими. Наконец, как последнее, выделяется в сознании и число предмета, впечатление от которого послужило началом образования процесса понимания, – это число есть *единица*. Таким образом, вот вероятный порядок вступления в разум чисел: 3. 2. 1. Заметим, что полное выделение в сознании идеи числа как чего-то совершенно отличного от счисляемого здесь еще не закончено; оно образуется постепенно и медленно: напр., человек уже хорошо научится считать предметы, прежде чем поймет, что можно считать и признаки предметов. В дальнейшем счислении число *три*, вероятно, было некоторое время основным, начальным, с которым сравнивались числа других вещей; так что образуя идею о количестве вновь встречаемых предметов, человек первоначально произносил мысленно: «больше трех на два», «меньше трех на одно» и пр., и так продолжалось до тех пор, пока неудобства этого счисления не заставили его как бы перевернуть в своем сознании первые три числа, поставив на первое место единицу и на последнее – три. Это принятие единицы за начало счета предполагает уже высокое развитие умственной деятельности: для этого необходимо было вдуматься в происхождение чисел и понять, что число, принимаемое за первое (3), само произо-

шло из третьего (1), да как будто и все другие числа только повторяют собою это же число (1). Любопытно, что в тройственности предметов, впервые познаваемых человеком, открывается и единство: предмет, его производящая причина и им производимое следствие есть одна и та же вещь в различные моменты своего существования; реальная вещь есть осуществленная потенция-причина и неосуществленная потенция-следствие.

Нам остается еще показать, что рассмотренный процесс познания выражает собою полное понимание, без излишка и без недостатка. Это можно сделать, доказав, что ни одна из рассмотренных идей не составляет части какой-либо другой идеи и что, напротив, всякое знание, какое приобретает человек, входит как часть в одну из указанных идей.

Что все рассмотренные идеи действительно первоначальны, это можно видеть из того, что они, во-первых, не сводимы ни к каким иным высшим идеям и, во-вторых, несводимы друг к другу. И действительно, единственно высшая идея, которая обнимает их собою, есть *идея сущего*, идея бытия не в смысле существования, но в смысле того, что обладает существованием. Но между этою высшею и последнею идеею и между идеями рассмотренными нет *ничего промежуточного*, связующего: идея бытия непосредственно разлагается на идею существования, на идею сущности, на идею атрибутов, на идею причины, на идею цели, на идею сходства и различия и на идею числа, – и непосредственно слагается из этих идей как образующих начал своих. То, что составляет объект этих семи идей, есть отдельные стороны того единого и всеобщего, что составляет объект этой последней идеи: бытие *существует* в вечном пребывании своем и в формах временного бывания своих частей, в своей сущности, неподвижной и скрытой, и в своих проявляющихся атрибутах, в причинности и в целесообразности совершающегося в нем, в сходстве и различии частей своих и в численных отношениях их; и ничего, кроме этого, познавая бытие, не познает разум. Несводимость этих идей друг к другу видна из этого, что ни одна из них не составляет части другой и что все они разнородны. И в самом деле, хотя существование есть и в природе, и в атрибутах, и в причине и в цели, и в сходстве и различии, и в числах (все это «существует»), тем не менее сущность всего этого лежит не в самом пребывании этом, но в чем-то таком, что именно не есть пребывание, но только пребывает. Равным образом, хотя каждая из этих семи сторон бытия имеет свою сущность, но последняя в каждой из них есть нечто совершенно другое, чем то, что мы разумеем под сущностью бытия как под одною из сторон его, – так, напр., сущность атрибутов есть принадлежность чему-либо и обусловленность им, тогда как сущность как сторона бытия есть нечто самосущее и не обусловленное; сущность причины есть не то же, что сущность цели и т. д. относительно всех других идей и относительно того, что составляет объект всех их. Каждая из них не заключает в себе всех других идей, но внешним образом опирается на них как на необходимые условия всего пребывающего; в самой же сущности своей это опирающееся есть нечто разнородное от всего другого, есть нечто самобытное и ни с чем не связанное, кроме самого сущего, сторону которого оно составляет.

Что всякое знание, какое приобретает человек, есть только частное проявление этих общих идей, это прямо следует из того, что идеи эти обнимают собою стороны бытия, частное проявление которого составляет все познаваемое. Человек, правда, познает различные вещи, но в этих вещах он познает всегда только существование, только сущность, только причинность, только цель, только сходство и различие, только число. Изучаемые вещи имеют различные причины и цели, различную сущность и атрибуты, – но все это разнится только в приложении (причина и цель) или только в неважном (сущность и атрибуты), – все же существенное и важное в них остается неизменным и тождественным. Словом, изменяются предметы изучения, но то, что изучается в этих предметах, остается неизменным. Изучает ли человек небесные светила или исследует невидимую и неразложимую частицу вещества – начальный атом, из которого образовался этот сложный мир; разбирает ли он круги, по которым движутся эти небесные тела, или процессы происхождения всего сложного из простого, и органического из

безжизненного; переходит ли он от этого мира материальных вещей и явлений к миру вещей и явлений другого порядка – к явлениям добра и зла, страдания и радости; изучает ли нравственность, государство, самое познание, – всегда и всюду, неизменно и вечно он сперва узнает о существовании изучаемого, затем определяет его природу, описывает его свойства, раскрывает его происхождение и назначение, сходство и различие от окружающего и, наконец, его количественную сторону.

Из этих всеобщих и единственных норм понимания не следует выделять такие познания, как познание времени, пространства или положения и количества; потому что все это не различается с указанными идеями и составляет только или частное, хотя и своеобразное проявление этих идей, как время и пространство, или только один из видов их, как количество и положение.

IV. Мы проследили общий процесс, через который проходит понимание каждой отдельной вещи и который как элемент целого повторяется во всем человеческом знании. Теперь мы можем перейти к исследованию и утверждению того положения, ради которого был рассмотрен этот процесс, именно – что в нем раскрывается природа человеческого разума.

Уже ранее был установлен *вид существования* разума. Именно, было доказано, что рассматриваемый в самом себе, до соприкосновения с внешним миром, он не имеет реального существования, но потенциальное; причем, под первым разумелся тот вид бытия его, когда он представляет собою некоторую систему идей, а под вторым – то состояние его, когда он, не заключая в себе никакого сформировавшегося знания, представляет собою, однако, совокупность определенных условий, которые тотчас переходят в идеи, как только внешним миром будут даны объекты для них.

Рассмотрим ближе природу и свойства этой потенции.

Есть два вида потенций. Одни из них представляют собою ряд условий, случайно соединенных между собою в случайном порядке, которые с присоединением некоторых других дополняющих условий переходят в реальное бытие, причем это реальное бытие определяется не условиями дополненными, но условиями дополнившими и бывает тем или другим, смотря по тому, каковы последние. Так земля, в которую бросают семя, есть потенция растения, которое вырастает из нее. В ней лежит все то вещество, которое станет содержимым этого растения, но каково будет самое растение, это зависит от того, что мы присоединим к этой потенции – какое семя положим в землю.

Она дает содержание, но не она определяет форму, в которую будет заключено это содержание. Она есть совокупность условий, которые переходят в бесчисленные и разнообразные вещи, смотря по тому, с какими дополняющими условиями вступают они в соединение. Потенции этого первого рода можно назвать потенциями *неопределенными*, незаконченными, как бы бесформенными и безжизненными.

Другие потенции представляют собою нечто строго замкнутое, тесно определенное, могущее перейти только в один вид реального бытия и не переходящее ни в какой другой вид его, каковы бы ни были условия, в соединение с которыми вступает оно. Оно не может стать реальным бытием без присоединения новых условий, но самое это бытие, его сущность, формы и признаки определяются не этими недостающими условиями, но самою потенцією. Таково семя, которое бросают в землю. Растение, из него вырастающее, состоит не из того, что есть в семени, но из того, что присоединила к нему земля; как вещество – семя погибло; но оно дало вид и форму растению, состоящему из земли и живет в его жизни; дало ему все, что в нем есть не-вещество, что отличает его от бесформенной и безжизненной материи и что, собственно, мы и называем *растением* как совокупность некоторых определенных форм и жизненных явлений. Этот второй вид потенций мы назовем потенциями *определенными*, законченными, носящими в себе скрытую жизненность, т. е. способность, а иногда и стремление к развитию в формах, в ней уже предустановленных.

К которому из этих двух видов потенциального бытия принадлежит разум? Вопрос этот разрешается при рассмотрении полного понимания, процесс образования которого был раскрыт ранее. Если бы разум, получив первое впечатление от внешнего мира и отразив его в себе, продолжал затем оставаться в покое до нового впечатления, то мы могли бы утверждать, что он есть простой приемник впечатлений и хранитель их, есть та *tabula rasa*, на которой по произволу внешний мир отмечает моменты своего существования. Каковы будут эти отражающиеся предметы и явления, таковы будут и отражения их в сознании человека, а следовательно, и определяющее значение будет принадлежать не разуму, а им, и мы должны будем отнести его к первому виду потенций – к потенциям неопределенным. Но этот разум не есть простой приемник впечатлений, если отвергает одни из них и ищет другие. Он не есть только *tabula rasa*, если сам направляет пишущую руку и сам слагает слова определенного содержания и в определенном порядке об этом внешнем мире. Это последнее явление мы и замечаем в нем. Первое полученное впечатление не остается в нем бесплодным; то, что за ним следует, далеко переступает за пределы того, что это впечатление могло бы произвести в мертвом механизме. Будучи раз выведен из состояния покоя, он тотчас обнаруживает некоторую деятельность, которая необъяснима влиянием внешнего мира и причину которой мы должны, следовательно, отнести к его собственной природе. Эта деятельность строго определена по своему направлению – она ищет удовлетворить некоторым требованиям, пробудившимся в разуме. Она обнаруживает в нем свойства, которые чужды мертвым механизмам, потому что в своем искании он отвергает все, не ведущее к этой цели, и останавливается лишь на том одном, что ведет к ней. Вот явления, наблюдаемые в процессе понимания и побуждающие нас отнести разум к потенциям второго рода, определенным и законченным, которые только ожидают немногих дополняющих условий, чтобы перейти в реальное бытие, в данном случае – в понимание, состоящее из определенных идей.

С тем вместе это наблюдение дает нам возможность, прилагая к разуму то, что было сказано о потенциях второго рода, дать его первое, еще пока неполное, определение: *разум есть потенция, в которой предустановлены формы понимания, материал для которого дается внешним миром, и обладающая скрытой жизненностью*, т. е. – это есть потенция, представляющая собою не только совокупность условий, могущих с присоединением некоторых других перейти в ряд идей, но и заключающая в себе стремление вступить в соединение с этими условиями, – стремление, которое остается скрытым до соприкосновения с внешним миром, но пробуждается тотчас, как это соприкосновение произошло, и совершается в формах, от этого внешнего мира независимых и, следовательно, обусловленных природою самой потенции.

V. Теперь рассмотрим сущность как этой жизненности, так и этих форм.

Несомненно, что все содержимое полного понимания взято человеком из внешнего мира, что все, что обнимается идеями его разума, принадлежит не ему самому, но тому, что лежит вне его: и природа, и свойства, и причина, и цель познанного найдены разумом в самом познанном. Но кроме этих идей, из которых складывается понимание, в процессе его образования есть еще другое, что уже не взято из внешнего мира: это то, что слагает эти идеи в понимание, что *движет* и что *направляет* его. Пути, по которым движется понимание, раскроют перед нами впоследствии формы разума; движущее его по этим путям раскроет теперь перед нами природу его жизненности. Она неизменно складывается, как и все деятельное, изменяющее, производящее в природе, из двух начал: из того, что есть первая причина движения, – из *стремления*, и из того, что есть его вторая причина, – из способности удовлетворить этому стремлению. Ни без первого из этих двух начал, ни без второго не могло бы произойти что-либо в космосе. Что источник этого стремления лежит в разуме, а не во внешнем мире, это ясно из того, что прежде чем образовать некоторые идеи понимания, разум должен предварительно открыть, разыскать то, что могло бы послужить их объектом (причина и цель) и что, следовательно, никак не может быть источником стремления к пониманию себя. В этом *стремлении* разума после первого

полученного впечатления приобрести содержимое дальнейшего понимания в форме определенных идей и в этой *способности* удовлетворить пробудившемуся стремлению через образование соответствующих идей и заключается его скрытая жизненность. Как бы сложны ни были процессы познания и с тем вместе как бы ни были сложны формы разума, раскрывающиеся в процессах этого познания, сущность последних, то, что в них остается за выделением направлений, из чего состоят они, всегда будет неизменно слагаться из чистых стремлений и из чистых способностей. Все мирообъемлющее человеческое понимание, будучи разложено на свои первые, простые элементы, окажется слагающимся из этих стремлений и способностей, движущимся через их повторение, как бы пульсирующим в них.

Таким образом, процесс понимания, движущийся между двумя крайними моментами своими – между первым моментом сознания, что есть внешний мир, и между последним моментом сознания, – если когда-либо наступит он, – что мир этот понят, весь распадается по своему содержанию и по своему происхождению на две стороны: на идущее от внешнего мира и на идущее от разума. Он состоит главным образом из обращений к внешнему миру, но то, что заставляет его обратиться к нему, не принадлежит внешнему миру, но разуму. В природе находит человек ответы на свои вопросы, но самые вопросы предлагает не природа, а разум. В природе находятся некоторые признаки, по которым можно доискаться ответа на эти вопросы, но то, что отличает эти признаки и раскрывает под ними искомое, часто путем сложных приемов, не есть природа. Повсюду и неизменно в понимании начало деятельное исходит от разума, начало пассивное дается природою. Она дает материал для понимания, объекты, которые одеваются идеями; разум образует самое понимание, движет и направляет его, раскрываясь в живых формах, вбирающих содержимое и претворяющих его в строгую и законченную систему идей, одевающих природу.

К чему направлена эта жизненность разума, что служит объектом стремления и способности, в которых проявляется она? Одно *понимание*, т. е. нахождение *объясняющих знаний*; но никогда самое знание. Природе человеческого разума совершенно чуждо стремление приобретать знания, в нем лежит только стремление понять то, что уже дано ему как знание. Он не ищет новых предметов и явлений, но ищет причины и следствий предметов и явлений уже известных ему, хочет определить их сущность и их свойства. Он стремится отыскать связанное с тем, что случайно узнано им и что может объяснить это узнанное; но он не переходит, оставив это узнанное, к отысканию нового, с ним не смежного и не связанного и его не объясняющего; потому что в нем нет ничего, побуждающего к отысканию нового неизвестного. И размышление и наблюдение одинаково убеждает в справедливости сказанного. Человек не может стремиться узнать того, о существовании чего у него нет понятия; всякое же стремление познать то, существование чего ему уже известно, есть стремление к пониманию. Он равнодушен к тому неизвестному, что окружает узнанное им, если его разум свободен; он с отвращением воспринимает невольные впечатления от этого неизвестного, когда его разум погружен в понимание этого узнанного. Отсюда объясняется, почему привязанность к подвижной жизни, к путешествиям, вообще любознательность, как желание узнавать новые и новые разнообразные предметы, есть признак незанятости ума, и, когда она продолжительна, – его поверхностности и внутренней пустоты. И в этом соображении источник выраженного ранее отрицания истинного достоинства в той науке, которая жадно ищет новых и новых знаний, но не останавливается над вопросом, как связать их в цельное понимание; которая многое узнает, но ни над чем не задумывается, в которой познаваемое вновь не объясняет познанного ранее. И действительно, ни такая любознательность, ни такая наука не связана ни с какими потребностями разума и противна истинной природе его. В силу своего строения он равнодушно созерцает мимо идущее; но почему-либо остановившее его внимание и ставшее предметом его понимания он не может оставить без некоторого внутреннего страдания. Помимо сознательного участия своей воли он как бы вовлекается, как бы втягивается в его объяснение и испытывает неприятное и

тяжелое чувство от прикосновения всего, мешающего развитию начавшегося в нем процесса понимания. И чем большие затруднения представляет собою объяснение заинтересовавшего, тем сильнее и сильнее привязывается он к нему и сосредоточивается на нем, тем менее и менее бывает в силах оставить его. И когда, наконец, искомое объяснение найдено, он испытывает высокую и чистую радость, – радость не потому, что окончен труд, так как ничто не принуждало его к нему, но потому, что найдено знание, объяснившее непонятное и удовлетворившее разум. В незначительных размерах примеры этого можно наблюдать на решающих математические задачи, на производящих опытные исследования в физике, на тех, наконец, чья мысль останавливается на разрешении каких-либо вопросов теоретического характера; примерами этого, исполненными величия и порою трагизма, полна история творческой науки. Только строением разума можно объяснить это неудержимое стремление его к пониманию; только присущей ему жизненностью можно объяснить тот факт, что в моменты высочайшего проявления его деятельности все человеческие инстинкты кажутся как бы подавленными, человеческая воля – как бы разбитой и парализованной. И в самом деле, если разум есть только произведение внешних впечатлений, если уже ранее получения их он не обладает определенным строением и скрытой жизненностью, то как понять, что некогда люди так глубоко задумывались над вопросами, о которых ничего не говорила им природа, что почти утрачивали сознание окружающего их, почти переставали чувствовать эту природу и, оставляя все удовольствия и радости жизни, в нищете и лишениях искали разрешения своих сомнений? Если разум лишь пустой восприимчивик впечатлений, если он безжизненная *tabula rasa*, то как понять, что в те далекие времена, которые мы привыкли считать варварскими, находились люди, предпочитавшие вытерпеть все мучения, чем испытать одно – перестать думать о том, над чем уже исстрадалась их мысль? Где источник этого стремления, если не в разуме? Как может *tabula rasa* желать, чтобы на ней было написано то, а не другое? Как может мертвый механизм или животный организм предпочесть быть разбитым, чем отказаться от стремления к тому, сущности чего он еще не знает и в достижении чего он еще не уверен?

Если бы разум не существовал уже до соприкосновения с внешним миром и если бы он не имел своего самостоятельного предопытного строения, то этого резкого различия в его отношении к пониманию и к простому знанию не могло бы существовать. Впечатления внешнего мира всегда одинаковы – это явления одно другому сопутствующие и одно за другим следующие, смежные в пространстве и смежные во времени. Если бы разум только отражал их в себе и удерживал или если бы его функции были созданием этих внешних явлений, то он и скорее и более должен бы был привыкнуть искать все новых и новых впечатлений, т. е. образовывать все новые и новые бесцельные и бессвязные знания, но он не мог бы привыкнуть стремиться к пониманию. Да последнее и вообще, по самой своей природе не может никогда стать делом механической привычки. Но так ничтожно влияние этих внешних впечатлений на законы деятельности разума и так могущественно обусловило их его строение, что ему совершенно чуждо стремление приобретать знания и исключительно свойственно стремиться к пониманию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.